

ПРОЦЕДУРА

Дело «Приход греко-католической церкви г. Лупени и другие (Lupeni Greek Catholic Parish and Others) против Румынии»¹

(Жалоба № 76943/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 29 ноября 2016 г.

По делу «Приход греко-католической церкви г. Лупени и другие против Румынии» Европейский Суд, заседая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты*,
 Андраша Шайо,
 Ишиль Каракаш,
 Мирьяны Лазаровой Трайковской,
 Ангелики Нуссбергер,
 Георга Николау, *судей*,
 Кристины Пардалос, *судьи ad hoc*³,
 Паулу Пинту де Альбукерке,
 Эгидиуса Куриса,
 Роберта Спано,
 Сиофры О'Лири,
 Карло Ранзони,
 Мартиньша Митса,
 Стефани Муру-Викстрём,
 Георга Раварани,
 Алёны Полачковой,
 Паулиин Коскело, *судей*,

а также при участии Франсуазы Эленс-Пассос, *заместителя Секретаря-канцлера Европейского Суда*,

проведя открытые заседания 2 марта и 21 сентября 2016 г.,

в последнюю указанную дату вынес следующее Постановление:

1. Дело было инициировано жалобой № 76943/11, поданной против Румынии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) греко-католическим приходом г. Лупени (*Lupeni*) (далее – первый заявитель), епархией греко-католической церкви г. Лугож (*Lugoj*) (далее – заявительница) и архиепископством греко-католической церкви г. Лупени (далее – второй заявитель) 14 декабря 2011 г.

2. Интересы заявителей представляли Д.О. Хатнеану (*D.O. Hatneanu*) и К.Т. Борсаньи (*C.T. Borsányi*) – адвокаты, практикующие в городах Бухаресте и Тимишоара (*Timișoara*) соответственно. Власти Румынии (далее также – власти государства-ответчика) были представлены К. Брумар (*C. Brumar*), Уполномоченным Румынии в Европейском Суде, сотрудницей Министерства иностранных дел Румынии.

3. Утверждая, что суды Румынии отказались удовлетворить иск об истребовании храма из чужого владения, поданный ими на основании общих правовых норм, заявители жаловались на нарушение своего права на доступ к правосудию, несоблюдение принципа правовой определенности и нарушение права на справедливое разбирательство дела в разумный срок. Кроме того, они считали, что в связи с предполагаемым нарушением их права на доступ к правосудию они стали жертвами дискриминации по религиозному признаку.

4. Жалоба была передана в Третью Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 18 декабря 2012 г. она была коммуницирована властям Румынии.

5. После отказа от участия в рассмотрении дела Юлии Моток – судьи, избранной от Румынии (правило 28 Регламента Суда), Председатель Большой Палаты Европейского Суда назначил судьей *ad hoc* Кристину Пардалос (пункт 4 статьи 26 Конвенции и пункт 1 правила 29 Регламента Суда).

6. 19 мая 2015 г. Палата Третьей Секции Европейского Суда в составе следующих судей: Йозепа Касадеваля, Председателя Палаты, Луиса Лопеса Герра, Яна Шикуты, Кристины Пардалос, Йоханнеса Силвиса, Валериу Грицко, Бранко Лубарды, а также при участии Стивена Филипса, Секретаря Секции Суда, – единогласно объявила приемлемыми для рассмотрения по существу жалобы на нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в том, что касается права на доступ к правосудию, соблюдения принципа правовой определенности и чрезмерной продолжительности производства по делу, а также жалобу на нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в отношении права на доступ к правосудию, признав остальные части жалобы заявителей непри-

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева.

² Настоящее Постановление вступило в силу 29 ноября 2016 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

³ *Ad hoc* (лат.) – для данного специального случая; согласно Регламенту Европейского Суда судья *ad hoc* – лицо, не являющееся избранным судьей, предложенное Высокой Договаривающейся Стороной согласно пункту 2 статьи 27 Конвенции в качестве члена Большой Палаты или Палаты для рассмотрения одного конкретного дела (*примеч. редактора*).

емлемыми для рассмотрения по существу. Палата Европейского Суда единогласно пришла к выводу, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении права на доступ к правосудию и соблюдения принципа правовой определенности, и установила нарушение этого положения Конвенции в связи с чрезмерной продолжительностью производства по делу. Кроме того, она единогласно пришла к выводу об отсутствии нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

7. 19 августа 2015 г. заявители ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда в порядке статьи 43 Конвенции и правила 73 Регламента Суда. 19 октября 2015 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила их ходатайство.

8. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен согласно пунктам 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда.

9. Заявители и власти государства-ответчика представили письменные замечания по существу дела (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

10. Открытые заседания по делу были проведены во Дворце прав человека в г. Страсбурге 2 марта 2016 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейский Суд явились:

(а) со стороны властей Румынии:

К. Брумар, Уполномоченный Румынии в Европейском Суде,

О. Эзер (O. Ezer), адвокат,

И. Думитриу (I. Dumitriu), первый секретарь Постоянного представительства Румынии при Совете Европы,

К. Павалашку (C. Păvălaşcu), заведующая отделом в Государственном секретариате по делам религий, консультанты;

(б) со стороны заявителей:

Д.О. Хатнеану, адвокат.

Европейский Суд заслушал выступления Д.О. Хатнеану, К. Брумар и О. Эзер, а также их ответы на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

11. Три заявителя по делу относятся к Румынской церкви, объединенной с Римом (греко-католической, или униатской церкви).

A. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ДЕЛА

12. В 1948 году Румынская греко-католическая церковь была ликвидирована Декретом № 358/1948, а ее активы, за исключением имущества приходов, перешли к государству, при этом определять, кто получит имущество прихо-

дов, должна была межведомственная комиссия. Однако комиссия так и не завершила эту работу, и Декретом № 177/1948 имущество приходов было передано православной церкви.

13. В 1967 году в земельный кадастр была внесена запись о том, что имущество (здание церкви и прилегающий к нему внутренний двор), принадлежавшее первому заявителю, перешло в собственность прихода Румынской православной церкви «Лупени I» (далее – православный приход).

14. После краха коммунистического режима в декабре 1989 года Декрет № 358/1948 был отменен Декретом-законом № 9/1989. Униатская церковь была официально признана Декретом-законом № 126/1990 «О некоторых мерах, касающихся Румынской церкви, объединенной с Римом». Статья 3 этого декрета-закона предусматривала, что правовой статус имущества, принадлежавшего униатским приходам и находящегося во владении Румынской православной церкви, определяется совместными комиссиями, состоящими из представителей духовенства и униатской, и православной конфессий. При вынесении решений комиссии должны были принимать во внимание «желание верующих в общинах, которые владеют этим имуществом».

15. Постановлением Правительства Румынии № 64/2004 и Законом № 182/2005 в статью 3 Декрета-закона № 126/1990 были внесены изменения. Согласно новой редакции декрета в случае, если представителям духовенства обеих конфессий не удастся прийти к соглашению в рамках совместной комиссии, заинтересованная сторона может обратиться в суд с иском на основании «общих правовых норм» (*drept comun*) (см. процедуру, описанную в §§ 41 и 121 настоящего Постановления).

16. Деятельность первого заявителя юридически была восстановлена 12 августа 1996 г. Заявители подали в объединенную комиссию требование о возврате принадлежавшего им имущества, но безуспешно.

17. Положения законодательства Румынии, в частности, Декрета-закона № 126/1990, и изменения, внесенные в него в 2004 и 2005 годах, приведены в §§ 39–43 настоящего Постановления.

V. РАССМОТРЕНИЕ ПОДАННОГО ЗАЯВИТЕЛЯМИ ИСКА СУДАМИ РУМЫНИИ

1. Первая стадия судебного разбирательства

18. 23 мая 2001 г. заявительница обратилась в суды Румынии с иском к архиепископству Румынской православной церкви г. Арад (Arad) и к православному приходу, требуя отменить конфискацию храма и церковного кладбища в г. Лупени, произведенную на основании Декрета № 358/1948, и вернуть храм первому зая-

вителю. В первом варианте иска было указано, что первый и второй заявители являются представителями заявительницы.

19. Решением от 10 октября 2001 г. Хунедоарский окружной суд (далее – окружной суд) объявил этот иск неприемлемым для рассмотрения по существу на основании того, что спор следовало разрешать в особом порядке, установленном Декретом-законом № 126/1990, то есть путем обращения в совместную комиссию.

20. Первый заявитель и заявительница обжаловали это решение. 22 февраля 2002 г. они потребовали приостановить производство по делу, чтобы спор можно было разрешить мирным путем. 25 марта 2003 г. они ходатайствовали о восстановлении иска в списке подлежащих рассмотрению дел. В тот же день Алба-Юлийский апелляционный суд (далее – апелляционный суд) оставил их жалобу без удовлетворения, постановив, что она была подана преждевременно. В окончательном решении по делу от 24 ноября 2004 г. Высокий кассационный суд Румынии (далее – Высокий суд Румынии), рассмотрев жалобу по вопросам права (*recurs*), поданную первым и вторым заявителями, отменил постановление апелляционного суда и вернул дело в этот же суд для рассмотрения по существу.

21. 12 мая 2006 г., применив изменения в Декрет-закон № 126/1990, согласно которым суды получили право рассматривать по существу дела относительно имущества, принадлежавшего уникальным приходам, которые находятся во владении православной церкви (см. § 42 настоящего Постановления), апелляционный суд удовлетворил жалобу заявительницы и вернул дело в окружной суд.

22. 27 июля 2006 г., когда иск был восстановлен в списке дел, подлежащих рассмотрению окружным судом, в него были внесены изменения, согласно которым первый и второй заявители официально получили статус истцов. 8 ноября 2006 г. заявители дополнили свой иск требованием о возврате имущества на основании общих правовых норм.

23. Окружной суд попросил стороны провести встречу, чтобы принять решение о судьбе храма, и сообщить ему о результатах переговоров до 25 апреля 2007 г. Стороны встретились 20 апреля 2007 г., но прийти к согласию им не удалось.

24. Решением от 27 февраля 2008 г. окружной суд оставил поданный заявителями иск без удовлетворения на основании того, что православный приход юридически стал собственником имущества, являющегося предметом спора, в силу Декрета № 358/1948 и что он вел себя как собственник, в частности, взял на себя содержание храма.

25. Решением от 26 сентября 2008 г. апелляционный суд, рассмотрев поданную заявителями

жалобу, отменил решение от 27 февраля 2008 г. по процессуальным основаниям и вернул дело в окружной суд.

2. Судебное решение по существу дела

26. 13 февраля 2009 г. окружной суд вынес решение в пользу заявителей и распорядился вернуть храм первому заявителю. Сравнив правоустанавливающие документы сторон на имущество, окружной суд отметил, что греко-католическая церковь числится в земельном кадастре собственником имущества с 1940 года и что в 1967 году право собственности на это имущество перешло к православной церкви, когда оно было передано данной церкви согласно Декрету № 358/1948. Окружной суд пришел к выводу, что отмена Декрета № 358/1948 привела в настоящем деле к прекращению права собственности православной церкви на спорное имущество. Кроме того, окружной суд отметил, что у первого заявителя нет своего храма и он вынужден проводить службы в помещениях, арендованных у Римской католической церкви.

3. Обжалование судебного решения

27. Решением от 11 июня 2010 г. апелляционный суд удовлетворил жалобу православного прихода и оставил исковые требования заявителей без удовлетворения. На основании имеющихся в деле доказательств он отметил прежде всего, что храм и два дома священников в г. Лупени, возврата которых требуют истцы, были построены в 1906–1920 годах прихожанами восточного чина православной и греко-католической церкви и что по окончании строительства храм использовался для проведения служб обоими религиозными объединениями по очереди. Апелляционный суд указал, что в 1948 году прихожан греко-католической церкви обязали перейти в православие и что храм перешел в собственность православной церкви, которая взяла на себя его содержание и сделала в нем ремонт.

28. Кроме того, апелляционный суд изучил показания четырех свидетелей, приобщенные окружным судом к материалам дела. Он отметил, что эти показания подтверждают статистические данные, согласно которым в г. Лупени православная церковь опережает греко-католическую церковь по количеству прихожан. Апелляционный суд указал, что, по данным последней переписи населения, в г. Лупени проживают 24 968 прихожан православной церкви и 509 прихожан греко-католической церкви. Кроме того, он сравнил показания свидетелей, письменные документы, подтверждающие количество прихожан греко-католической церкви, заявленное при воссоздании греко-католической церкви в г. Лупени, и данные последней переписи населения в г. Лупени.

29. Затем апелляционный суд указал следующее:

«...несмотря на то, что в основе иска лежат общие правовые нормы, а именно статья 480 Гражданского кодекса Румынии, ввиду предмета иска суд не может разрешить дело, не применив положений пункта 1 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990, согласно которому правовой статус храмов и домов священников... должен определяться с учетом желания верующих в общине, которая владеет этим имуществом».

30. Апелляционный суд счел, что, поскольку православная церковь в г. Лупени опережает греко-католическую церковь по количеству прихожан, если учитывать людей, обратившихся в православие, которые уже не хотят возвращаться в греко-католическую церковь, при разрешении дела нужно принимать во внимание их отказ. Апелляционный суд заключил, что «с учетом социальных и исторических реалий игнорировать желание и количественное преимущество православных, составляющих большинство по отношению к гораздо менее многочисленным прихожанам греко-католической церкви, значило бы подрывать стабильность и определенность правоотношений».

31. Апелляционный суд пришел к выводу, что отмена Декрета-закона № 358/1948 не приводит к автоматическому прекращению имущественных прав православной церкви, поскольку данный декрет содержит правовые нормы, действовавшие на момент перехода права собственности. Исходя из этого суд постановил: несмотря на то, что православная церковь получила право собственности на имущество согласно положениям законодательства, которые впоследствии были объявлены незаконными, это право было действительным с момента его перехода, а значит, иск об истребовании имущества из чужого владения является необоснованным.

4. Окончательное решение по делу, вынесенное Высоким судом Румынии

32. Заявители подали жалобу на это решение по вопросам права в Высокий суд Румынии, утверждая, что апелляционный суд неправильно применил правовые нормы, регулирующие иски об истребовании имущества из чужого владения. Они утверждали, что право собственности нельзя связывать с количественным преобладанием лиц, исповедующих ту или иную религию, поскольку собственность – это юридическое понятие, не зависящее от численного перевеса и желания сторон.

33. 15 июня 2011 г. Высокий суд Румынии большинством голосов вынес окончательное решение по делу, в котором подробно пересказал решения нижестоящих судов. Напомнив, что полномочиями по установлению обстоятельств дела наделены лишь эти суды, он подтвердил их выводы по вопросам факта. Высокий суд отклонил жалобу

заявителей по вопросам права и оставил решение апелляционного суда без изменения. Относительно применимого законодательства он пришел, в частности, к следующим выводам:

«Согласно Декрету-закону № 126/1990... различаются две ситуации: когда (а) имущество находится в государственной собственности... и когда (б) храмы и приходы получила Румынская православная церковь. В последнем случае [вопрос об их возврате будет решаться совместной комиссией, состоящей из представителей духовенства обоих религиозных объединений, и эта комиссия будет принимать во внимание желание верующих¹ в общинах, которые владеют этим имуществом.

С учетом этих положений апелляционный суд, рассмотрев иск об истребовании храма из чужого владения, правильно применил критерий желания (преимущественно православных) верующих общины, которая владеет имуществом, подчеркнув в то же время незаконность рассуждений суда первой инстанции, который просто сравнил правоустанавливающие документы, игнорируя специальные правовые нормы...

Однако в г. Лупени, по-видимому, проживают 24 968 православных и 509 прихожан греко-католической церкви. Те прихожане, которые в 1948 году вынуждены были перейти в православие, не хотят возвращаться в лоно греко-католической церкви, и была предпринята попытка разрешить [спор] в совместной комиссии, состоящей из представителей духовенства (согласно протоколу от 20 апреля 2007 г. ...представители православной церкви указали, что ходатайство о возврате храма не может быть удовлетворено ввиду желания верующих в приходе и того, что с 1948 года содержание храма осуществляется православными верующими)...

То, что статья 3 [Декрета-закона № 126/1990] была дополнена пунктом, согласно которому, «если заседание комиссии не состоится в установленный в ее мандате срок, если комиссия не придет к определенному выводу или если одна из сторон будет не удовлетворена решением комиссии, заинтересованная сторона может обратиться в суд с иском на основании общих правовых норм», не означает, что иски об истребовании имущества из чужого владения, регулируемые специальными правовыми нормами, превращаются в ходатайства об установлении имущественных прав по общим правовым нормам.

Суд, который должен рассматривать данный иск, не может игнорировать действующие в этой области специальные правовые нормы, в соответствии с которыми при разрешении указанных требований необходимо принимать во внимание такой критерий, как желание верующих в общине, которая владеет имуществом.

Другими словами, в силу того, что дело полностью подсудно суду, от него может потребоваться рассмотреть поданный иск по существу, чтобы не лишать сторон доступа к правосудию, несмотря на то, что ранее по этому делу не было вынесено решения совместной комиссии из представителей

¹ Здесь и далее курсив в тексте оригинала Постановления (примеч. редактора).

духовенства. Вместе с тем, однако, он не может выходить за рамки, установленные специальными правовыми нормами.

Преимущественная сила, которую следует придавать критерию желания верующих, отражает желание законодателя, который хотел подобным образом урегулировать вопрос, касающийся зданий определенного назначения [храмов], [а значит], суд не вправе критиковать нормы закона.

Кроме того, рассматривая жалобу на неконституционность статьи 3 Декрета № 126/1990 и критерия желания верующих, Конституционный суд заявил, что текст данной статьи не противоречит ни принципу демократии Румынии, ни свободе религиозных объединений (Постановления Конституционного суда №№ 23/1993 и 49/1995)...

По мнению апелляционного суда, незаконную конфискацию государством храмов у греко-католической церкви в 1948 году в государстве, основанном на принципе верховенства права, нельзя компенсировать другой крайностью, то есть игнорированием желания большинства верующих на момент принятия тех или иных мер. Возврат имущества, принадлежавшего греко-католической церкви, с нарушением критериев, установленных пунктом 1 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990, лишил бы правоотношения стабильности и определенности. Право нельзя восстановить *in abstracto*¹, без учета социальных и исторических реалий, а устранение причиненного в прошлом ущерба не должно создавать новых несоразмерных проблем...

Кроме того, для того, чтобы истцы по апелляции могли подать иск об истребовании имущества из чужого владения на основании общих, а не специальных правовых норм, они должны исходить из существования "имущества", а именно имущественного права, на которое они не могут опираться.

Однако Декретом № 358/1948 греко-католическая церковь была ликвидирована, а ее имущество перешло в собственность государства. Собственником указанного здания в настоящее время числится (в земельном кадастре...) Румынская православная церковь "Лупени I".

Официальное признание Румынской церкви, объединенной с Римом, Декретом-законом № 9/1989 после отмены Декрета № 358/1948 не означает восстановления всех ее имущественных прав, поскольку право собственности приобретается в определенном порядке, [предусмотренном положениями Декрета-закона № 126/1990 с последующими изменениями и дополнениями], а надежду приобрести права на имущество нельзя приравнять к обладанию им...».

34. В отдельном мнении один из судей, участвовавших в рассмотрении дела, отметил, что отсылку законодателя к общим правовым нормам нельзя сводить исключительно к процессуальным аспектам и что ее следует трактовать как применение материально-правовой нормы. Сославшись на правила подготовки законов, этот судья выразил мнение, что, если законодатель хотел придать такой

отсылке к общим правовым нормам какой-то конкретный смысл, он должен был это сделать в явной форме. Поскольку иск об истребовании имущества из чужого владения предполагает сравнение соответствующих имущественных прав, судья пришел к выводу, что у православной церкви отсутствует право на храм, о котором идет речь в деле.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РУМЫНИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

A. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РУМЫНИИ

1. Конституция

35. Статья 21 Конституции Румынии устанавливает:

«1. Любое лицо может обращаться в суд для защиты своих прав, свобод и законных интересов.

2. Никакой закон не может ограничивать осуществление этого права».

2. Законодательство, устанавливающее общий правовой статус религиозных объединений

36. Статья 37 Декрета № 177/1948 «Об общем статусе религиозных объединений», опубликованного в исправленной редакции в «Официальном вестнике» № 204 от 3 сентября 1948 г., предусматривает следующее:

«1. Если не менее 10% верующих какого-либо объединения переходят в другое объединение, религиозная община покинутого ими объединения автоматически утрачивает часть своего имущества пропорционально количеству покинувших его прихожан. Эта часть *ipso jure* переходит в собственность местного сообщества нового объединения, в которое перешли верующие...».

37. Данный Декрет был отменен законом № 489/2006 «О свободе религии и общем правовом статусе религиозных объединений» (*privind libertatea religioasă și regimul general al cultelor*), опубликованным в «Официальном вестнике» 8 января 2007 г. Согласно этому декрету отношения между государством и юридически признанными религиозными объединениями в Румынии определяются на основе соблюдения принципа автономии религиозных общин и признания государством их уставов.

38. Чрезвычайный указ № 94/2000 «О возврате зданий, принадлежавших религиозным объединениям в Румынии» в редакции от 25 июля 2005 г., опубликованный в «Официальном вестнике» 1 сентября 2005 г., устанавливал:

«Статья 1

...2. Правовой статус зданий, которые использовались в качестве храмов, определяется специальными правовыми нормами».

¹ *In abstracto* (лат.) – абстрактно, в общем плане (примеч. редактора).

3. Декрет-закон № 126/1990 «О некоторых мерах, касающихся Румынской церкви, объединенной с Римом (греко-католической церкви)» с последующими изменениями и дополнениями

39. После отмены Декрета № 358/1948 в Парламент Румынии поступил законопроект, направленный на урегулирование ситуации с храмами, принадлежавшими греко-католической церкви. В пояснительной записке к этому законопроекту признавалось, что вопрос о возврате храмов должен решаться путем диалога между двумя заинтересованными конфессиями. По окончании переговоров представители двух объединений в совместном соглашении заявили о необходимости принять законодательство о возврате греко-католической церкви имущества, находившегося в государственной собственности, и создать совместные комиссии для решения вопроса о храмах, принадлежащих православной церкви. Законопроект, составленный с учетом предложений обеих сторон, вызвал в парламенте ожесточенные споры.

40. 25 апреля 1990 г. в «Официальном вестнике» № 54 был опубликован Декрет-закон № 126/1990. В частях, относящихся к настоящему делу, в нем предусматривалось следующее:

«Статья 1

После отмены Декрета № 358/1948 Декретом-законом № 9 от 31 декабря 1989 г. Румынская церковь, объединенная с Римом, должна быть официально признана...

Статья 3

Правовой статус религиозных зданий и домов священников, принадлежавших униатской церкви и перешедших к Румынской православной церкви, определяется совместной комиссией, состоящей из представителей духовенства обеих конфессий, которая принимает во внимание желание верующих в общинах, которые владеют этим имуществом (*dorința credincioșilor din comunitățile care dețin aceste bunuri*).

Статья 4

В тех муниципальных образованиях, где храмов недостаточно по сравнению с количеством верующих, государство оказывает поддержку строительству новых церквей. С этой целью оно предоставляет соответствующим объединениям необходимые земельные участки, если у них нет земли, и способствует сбору необходимых средств».

41. В статью 3 вышеупомянутого Декрета-закона были внесены изменения Постановлением Правительства Румынии № 64/2004 от 13 августа 2004 г. (далее – Постановление № 64/2004), которое вступило в силу 21 августа 2004 г. В эту статью был добавлен пункт 2, сформулированный следующим образом:

«Если представителям духовенства обеих конфессий в совместной комиссии не удастся прийти к соглашению в рамках совместной комиссии,

как это предусмотрено статьей 1, заинтересованная сторона может обратиться в суд на основании общих правовых норм».

42. Закон № 182/2005 от 13 июня 2005 г. (далее – Закон № 182/2005), вступивший в силу 17 июня 2005 г., внес в статью 3 Декрета-закона № 126/1990 следующие изменения:

«Сторона, заинтересованная в обращении в суд, вызывает в заседание другую сторону, направляя ей в письменном виде свои требования и представляя доказательства, на которых они основаны. Эти документы направляются заказным письмом с уведомлением о вручении или вручаются лично. С момента получения документов до даты, на которую назначено заседание совместной комиссии, должно пройти не менее 30 дней. В состав комиссии входит до трех представителей каждой конфессии. В случае, если заседание комиссии не состоится в указанный в ее мандате срок, если комиссия не придет к определенному выводу или если одна из сторон окажется не удовлетворена принятым комиссией решением, заинтересованная сторона может обратиться в суд на основании общих правовых норм.

Указанные иски рассматриваются судами.

Лица, подающие такие иски, освобождаются от уплаты судебной пошлины».

43. В пояснительной записке к Закону № 182/2005 указывается:

«В Декрете-законе № 126/1990 предусматривается ряд мер, касающихся Румынской церкви, объединенной с Римом (Греко-католической церкви).

При применении данного документа в судебной практике не было выработано единообразного подхода: некоторые суды считают себя вправе выносить решения по искам, касающимся храмов и домов священников, принадлежавших Румынской церкви, объединенной с Римом, и перешедших к Румынской православной церкви, а другие считают подобные споры не подсудными судам общей юрисдикции, отрицая, таким образом, право на беспрепятственный доступ к правосудию.

С учетом стандартов, действующих в этой области на общеевропейском уровне... инициатив Европейской комиссии и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека в соответствующее законодательство Румынии необходимо внести изменения, чтобы гарантировать реальный доступ к системе правосудия, явным образом указав в законе, что заинтересованные стороны могут обратиться в суд.

Настоящий закон прямо наделяет суды правом разрешать споры в отношении имущества, принадлежавшего Румынской церкви, объединенной с Римом, в случае, если комиссии, о которых говорится в статье 3 Декрета-закона № 126/1990, не пришли к соглашению.

Для того, чтобы дать обеим сторонам возможность принять меры по разрешению проблемы храмов, приказ допускает дальнейшую деятельность комиссий, предлагая возможность решить проблему возврата этих зданий путем межконфессионального диалога.

Данный новый документ гарантирует, что принцип беспрепятственного доступа к правосудию будет применяться в случаях, указанных в Декрете-законе № 126/1990, в соответствии со статьей 6 Конвенции... и статьей 21 Конституции Румынии...».

4. Гражданский кодекс

44. В соответствии со статьей 480 Гражданского кодекса Румынии в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела:

«Собственность – это право пользоваться и распоряжаться вещами абсолютным образом при условии, что оно не используется вопреки установленным законом запретам».

45. В законе отсутствует определение иска об истребовании имущества из чужого владения. Согласно судебной практике данный иск, посредством которого собственник имущества, которое перешло во владение третьего лица, добивается восстановления своих прав на это имущество и его истребования из владения третьего лица. Система земельного кадастра гарантирует, что права *in rem*¹ на каждое здание имеют полностью публичный характер, и перечисляет лиц, которым эти права принадлежат.

5. Гражданский процессуальный кодекс

46. Согласно статье 329 Гражданского процессуального кодекса Румынии в редакции, действовавшей в период, относящийся к обстоятельствам дела, генеральный прокурор в прокуратуре при Высоком кассационном суде Румынии по собственной инициативе или по ходатайству министра юстиции, а также президиум Высокого суда, президиумы апелляционных судов и Уполномоченный по правам человека (*Avocatul Poporului*) Румынии обязаны обращаться в Высокий суд для разъяснения вопросов права, которые по-разному разрешаются судами. Согласно статье 330⁷ этого же кодекса такие решения принимаются в интересах закона и не влияют на соответствующие судебные решения или на положение сторон по делу. Сразу после опубликования решения в «Официальном вестнике» суды должны следовать выводам, к которым пришел Высокий суд.

В. РЕШЕНИЯ СУДОВ РУМЫНИИ ПО ИСКАМ ОБ ИСТРЕБОВАНИИ ХРАМОВ ИЗ ЧУЖОГО ВЛАДЕНИЯ, ПОДАНЫМИ РАЗЛИЧНЫМИ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКИМИ ПРИХОДАМИ

47. В ходе разбирательства стороны представили судебные решения по искам об истребовании храмов из чужого владения, поданными греко-католическими приходами к православным общинам.

¹ *In rem* (лат.) – вещный (примеч. редактора).

Большая часть этих исков была подана на основании статьи 480 Гражданского кодекса Румынии и содержала требования об исправлении записей в земельном кадастре, в которых право собственности на соответствующее имущество закреплялось за православными общинами.

1. Решения нижестоящих судов

48. В ряде решений, вынесенных до 2013 года, нижестоящие суды (окружные или апелляционные), рассматривая дела в качестве судов первой инстанции, жалобы или жалобы по вопросам права, высказывались по поводу исков об истребовании имущества из чужого владения, рассматривая вопрос о действительности правоустанавливающих документов сторон и, в частности, вопрос о способах перехода соответствующего имущества в собственность православной церкви (решения Тимошоарского апелляционного суда от 20 июня 2006 г., 24 ноября 2010 г. и 15 сентября 2011 г., решения Хунедоарского окружного суда от 27 февраля 2008 г. и 8 июля 2009 г., решения Бихорского окружного суда от 6 марта 2008 г. и 3 сентября 2010 г., окончательное решение Брашовского апелляционного суда от 11 марта 2008 г., решение Брашовского окружного суда от 28 марта 2011 г., решение Тыргу-Мурешского апелляционного суда от 11 ноября 2010 г., а также решение Орадского апелляционного суда от 22 февраля 2012 г.).

49. В решениях, также вынесенных до 2013 года, другие нижестоящие суды высказывали свои мнения по поводу исков об истребовании имущества из чужого владения, рассматривая права сторон и ссылаясь на критерий желаний верующих (решение Алба-Юлийского апелляционного суда от 14 января 2010 г. и решение Клужского апелляционного суда от 28 марта 2012 г., вынесенные по результатам рассмотрения жалоб).

50. Власти Румынии предоставили решения, вынесенные в 2015 году, в которых нижестоящие суды применяли статью 3 Декрета-закона № 126/1990 (решения Клужского апелляционного суда от 11 и 17 марта 2015 г., 9 октября 2015 г., вынесенные по результатам рассмотрения жалоб, решение Тимишоарского апелляционного суда от 18 июня и 29 октября 2015 г., а также решение Тыргу-Мурешского апелляционного суда от 17 июня 2015 г., решение Залэйского окружного суда от 29 января 2015 г.).

2. Решения Высокого суда Румынии

51. В окончательном решении от 25 ноября 2008 г. Высокий суд Румынии, который тогда назывался Верховным судом, вернул дело в нижестоящие суды, отметив, что, по данным земельного кадастра, собственником имущества является Румынская православная церковь, а критерий

желания верующих применяется только в ходе предварительного разбирательства в совместных комиссиях.

52. В ряде решений Высокий суд Румынии отменял решения нижестоящих судов и направлял дела на новое рассмотрение на основании того, что не был применен критерий, установленный Декретом-законом № 126/1990 (см., например, решения от 24 марта 2009 г., 9 ноября 2010 г., 14 ноября и 11 декабря 2012 г. и 7 февраля 2013 г.). В ряде других окончательных решений Высокий суд приходил к выводу, что, хотя представители греко-католической церкви и подали иск об истребовании имущества из чужого владения согласно общим правовым нормам, Высокий суд не может игнорировать критерий желаний верующих в общинах, которые владеют этим имуществом, установленный Декретом-законом № 126/1990 (см., например, решения Высокого суда Румынии от 29 мая 2007 г., 26 января и 24 ноября 2011 г. и от 16 мая и 12 декабря 2012 г.).

53. В некоторых случаях Высокий суд Румынии выносил решения по искам об истребовании имущества из чужого владения путем сравнения прав сторон спора, зарегистрированных в земельном кадастре (см., например, решения от 10 марта 2011 г., 16 мая, 2 октября и 21 ноября 2012 г. и от 1 октября 2013 г.).

54. Власти Румынии предоставили 27 окончательных решений, вынесенных в 2013–2015 годах, в которых Высокий суд Румынии применил критерий желаний верующих. В решении от 20 июня 2013 г. Высокий суд удовлетворил иск представителей греко-католической церкви об истребовании имущества из чужого владения в ситуации, когда оба объединения находились в деревне, где прихожанами греко-католической церкви были всего два человека из 90 жителей, но истребуемый храм не использовался прихожанами православной церкви.

3. Постановления Конституционного суда Румынии

55. В Постановлении от 27 апреля 1993 г. № 23 по поводу жалобы на неконституционность пункта 1 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990 Конституционный суд Румынии решил, что обжалуемый по делу критерий, установленный статьей 3, который применяют совместные комиссии, соответствует Конституции страны. Рассмотрев еще одну жалобу на неконституционность этой статьи, он подтвердил свою позицию в Постановлении от 19 мая 1995 г. № 49.

56. 19 января 2012 г. в Конституционный суд Румынии была подана еще одна жалоба на неконституционность пункта 1 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990 в связи с иском об истребовании из чужого владения другого храма, не того, о котором идет речь в жалобе заявителей. Данный иск

находился тогда на рассмотрении Алба-Юлийского апелляционного суда.

57. В Постановлении от 27 сентября 2012 г. Конституционный суд Румынии оставил эту жалобу без удовлетворения, заключив:

«...Положения статьи 3 Декрета-закона № 126/1990 об отмене некоторых положений законодательства не противоречат указанным положениям Конституции, а, напротив, соответствуют как общему принципу, закрепленному в пункте 3 статьи 1 Конституции, согласно которому Румыния является “демократическим и социальным государством, основанным на принципе верховенства права”, так и принципу свободы религиозных объединений, закрепленному в пункте 3 статьи 29 Конституции.

В...Постановлении (от 27 апреля 1993 г. № 23) [Конституционный] суд пришел к выводу, что демократия предполагает уважение желаний большинства. Последняя часть статьи 3 [согласно которой совместная комиссия] “будет принимать во внимание желание верующих в общинах, которые владеют... имуществом”, закрепляет данный принцип, устанавливая социальный критерий – критерий желаний большинства прихожан.

...Если прихожанами одного и того же [прихода] являются и православные, и греческие католики, решение судьбы храмов и домов священников с использованием социального критерия, желания большинства прихожан, соответствует демократическому подходу к определению того, как будет использоваться это имущество в религиозных целях, исходя из желаний большинства [заинтересованных верующих]. Иной вывод будет означать, что православным, которые составляют большинство, необоснованно воспрепятствуют, вопреки их желанию, исповедовать свою религию, если они не перейдут в греко-католическую церковь...

Учитывая, что не было представлено каких-либо новых доказательств, которые могли бы привести к изменению практики Конституционного суда, в настоящем деле сохраняют силу и выводы, и рассуждения, содержащиеся в упомянутом выше Постановлении...».

III. ДОКЛАДЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ

58. В Третьем докладе Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью (далее – ЕКРН) по Румынии, принятом 24 июня 2005 г. и опубликованном 21 февраля 2006 г., содержатся следующие замечания:

«Законодательство о религиозных объединениях

...15. ЕКРН с озабоченностью отмечает, что православие, которое исповедует большинство населения Румынии, хотя и не имеет статуса государственной религии, занимает доминирующее положение в румынском обществе. Так, последователи остальных религий считают, что православная церковь оказывает слишком большое влияние на политику властей. Кроме того, она, по-видимому, имеет льготы, которых лишены

остальные религии, например, часовни в тюрьмах и следственных изоляторах. Далее утверждается, что [православная] церковь сильно влияет на решения властей по таким вопросам, как наделение религиозных объединений статусом религиозного культа. ЕКРН также отмечает, что с учетом количества и многообразия официально признанных и исповедуемых религий в Румынии можно было бы повысить качество межконфессионального диалога между православной церковью и другими религиозными объединениями. Так, диалог между этой церковью и греко-католической церковью, по-видимому, переживает не лучшие времена в основном из-за того, как власти решают вопрос о возврате имущества, конфискованного в коммунистический период.

16. Кроме того, ЕКРН с озабоченностью отмечает сообщения о том, что представители православной церкви участвуют во всевозможных актах преследования последователей греко-католической церкви не без известной помощи властей...

45. ЕКРН с озабоченностью отмечает, что реституция храмов, ранее принадлежавших греко-католической церкви, стала источником конфликтов между греко-католической и православной церковью. Несмотря на попытки решить их мирным путем, православная церковь отказывается возвращать эти храмы греко-католической церкви, а власти, по-видимому, не принимают мер к тому, чтобы добиться исполнения закона. В связи с этим ЕКРН надеется, что власти Румынии займут более активную позицию при разрешении проблем, касающихся возврата греко-католических храмов, для обеспечения справедливого применения закона в духе толерантности и взаимного уважения...».

59. В Четвертом докладе ЕКРН по Румынии, принятом 19 марта 2004 г. и опубликованном 3 июня 2014 г., указывается следующее:

«...22. В своем Третьем докладе ЕКРН рекомендовала, чтобы власти Румынии добились исполнения законов, регулирующих возврат имущества, и призвали религиозные объединения, в частности, православную церковь и другие религиозные меньшинства, начать конструктивный диалог по данному вопросу. Кроме того, ЕКРН рекомендовала, чтобы власти приняли меры для примирения сторон, проводили встречи и семинары с участием представителей различных конфессий, а также информационные кампании, утверждающие идею многоконфессионального общества.

23. Власти подтвердили, что имущественные споры между православной и греко-католической церковью привели к возникновению напряженных отношений между этими двумя конфессиями. В целом православная церковь не спешит возвращать греко-католические храмы, полученные в 1948 году государством, и нередко отказывается это делать.

24. С 1999 года работает совместная комиссия, состоящая из представителей духовенства обеих конфессий, которая занимается разрешением этих имущественных споров, однако работа этой комиссии, по-видимому, не принесла существенных результатов. Национальное агентство по возврату имущества сообщило ЕКРН, что с 2005 года были рассмотрены 1 110 требований из 6 723 о возврате имущества... Кроме того, в апреле 2011 года был

создан консультативный Совет по храмам и религиозным объединениям для поощрения солидарности и сотрудничества и предотвращения конфликтов между различными религиозными организациями в Румынии, он заседает два раза в год. ЕКРН приветствует указанные выше усилия и призывает власти играть ведущую роль в разрешении этих споров, которые, напомним, касаются имущества, конфискованного государством...».

60. В частях, относящихся к настоящему делу, в ответе властей Румынии на Четвертый доклад ЕКРН сказано следующее:

«Что касается пунктов 22–25, Государственный секретариат по религиозным объединениям постоянно стремится выступать посредником, сглаживая напряженность между Румынской православной церковью и Румынской церковью, объединенной с Римом (греко-католической церковью), и активно участвует в поиске решений, приемлемых для обеих сторон в их имущественном споре. Государственный секретариат по религиозным вопросам финансово поддерживает проекты строительства новых храмов в районах, где одна из сторон безоговорочно становится собственником храма, который ранее являлся предметом спора.

Национальное агентство по возврату имущества продолжает проводить встречи с представителями обеих конфессий, в ходе которых обсуждаются различные аспекты, касающиеся состояния урегулирования жалоб, поданных в специальную комиссию по реституции, и сложности, возникающие в процессе возврата имущества.

Кроме того, в ходе этих встреч обсуждаются аспекты, связанные со статусом имущества, которое принадлежало греко-католической церкви, а сейчас находится во владении Румынской православной церкви, и поощряется диалог между этими двумя конфессиями с целью мирного урегулирования имущественного спора.

Что касается текущего состояния урегулированности требований о возврате имущества, с которыми греко-католическая церковь обратилась в специальную Комиссию по реституции, следует подчеркнуть, что 1 100 из 6 723 требований о возврате имущества (16,5%) были рассмотрены.

Эти требования о возврате имущества были разрешены следующим образом:

реституция в натуре – 139;

предложения выплатить компенсацию – 52;

отклонены – 66;

другие варианты решения (перенаправление, отказ от претензий и т.д.) – 853».

ПРАВО

И. ВОПРОСЫ, ПОДЛЕЖАЩИЕ ОБСУЖДЕНИЮ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

61. Согласно прецедентной практике Европейского Суда «делом», переданным в Большую

Палату Европейского Суда, является жалоба в том виде, в каком ее объявила приемлемой для рассмотрения по существу Палата Европейского Суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (Blokhin v. Russia) от 23 марта 2016 г., жалоба № 47152/06¹, § 91, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «D.H. и другие против Чешской Республики» (D.H. and Others v. Czech Republic) от 13 ноября 2007 г., жалоба № 57325/00, § 109).

62. Европейский Суд отмечает, что в Постановлении по настоящему делу от 19 мая 2015 г. Палата Европейского Суда объявила неприемлемыми для рассмотрения по существу, во-первых, жалобы заявителей на нарушение статьи 9 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции самой по себе и во взаимосвязи со статьями 13 и 14 Конвенции, а во-вторых, жалобы на нарушение статьи 6 Конвенции, в которых утверждалось, что суды Румынии не были независимы и беспристрастны и что производство по делу было несправедливым вследствие изменений в составе соответствующих судов при его рассмотрении.

63. Соответственно, эти жалобы не входят в круг вопросов, подлежащих обсуждению при рассмотрении дела Большой Палатой Европейского Суда.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

64. Ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции и статью 13 Конвенции, заявители выдвигали по сути три жалобы. Во-первых, они считали, что по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение их права на доступ к правосудию, утверждая, что суды Румынии при рассмотрении поданного ими иска применили не общие правовые нормы, а критерий, установленный Декретом-законом № 126/1990, который используется в рамках неколлизионного производства, желание верующих в общине, которая владеет имуществом. Во-вторых, заявители отмечали, не ссылаясь в явной форме на принцип правовой определенности, что применение данного критерия было непредсказуемым и сделало их доступ к правосудию иллюзорным. В-третьих, они жаловались на чрезмерную продолжительность производства по делу.

65. В качестве предварительного замечания следует отметить, что Палата Европейского Суда рассмотрела жалобу заявителей исключительно с точки зрения пункта 1 статьи 6 Конвенции, придя к выводу, что гарантии статьи 13 Конвенции поглощаются более строгими гарантиями статьи 6

Конвенции. Европейский Суд согласен с этим подходом и будет рассматривать дело так же.

66. Кроме того, следует напомнить, что Палата Европейского Суда сочла необходимым рассмотреть довод заявителей о применении критерия желания верующих в контексте иска об истребовании имущества из чужого владения, поданного на основании общих правовых норм, с точки зрения как права на доступ к правосудию, так и соблюдения принципа правовой определенности.

67. Напоминая о своей устоявшейся прецедентной практике, согласно которой он вправе давать характеристику представленным ему фактам (см. Постановление Европейского Суда по делу «Герра и другие против Италии» (Guerra and Others v. Italy) от 19 февраля 1998 г., § 44, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I), Европейский Суд не видит оснований отступить от подхода Палаты Европейского Суда и, следовательно, рассмотрит доводы заявителей еще и с точки зрения соблюдения этого принципа.

68. В частях, относящихся к настоящему делу, пункт 1 статьи 6 Конвенции предусматривает следующее:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела в разумный срок... судом...».

A. ПРИМЕНИМОСТЬ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

69. В Постановлении по настоящему делу от 19 мая 2015 г. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что поданный заявителями иск относится к сфере действия пункта 1 статьи 6 Конвенции в гражданском процессуальном аспекте, поскольку он направлен на обеспечение признания их права на здание, то есть права имущественного характера.

70. Стороны не оспаривали данный вывод.

71. Европейский Суд напоминает, что условием применимости пункта 1 статьи 6 в «гражданском процессуальном» аспекте является наличие спора («*contestation*» во французском тексте Конвенции) о «праве», которое, пусть даже и с оговорками, можно считать признанным во внутригосударственном законодательстве вне зависимости от того, охраняется ли это право Конвенцией. Необходимо, чтобы спор был серьезным и не надуманным, и он может относиться не только к вопросу о фактическом существовании этого права, но и к сфере его применения, способу его осуществления. И, наконец, результат рассмотрения дела должен иметь непосредственное и решающее значение для права, поскольку недостаточно эфемерной связи или отдаленных последствий для применения пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

«Бочан против Украины (№ 2)» (Bochan v. Ukraine) (№ 2), жалоба № 22251/08¹, § 42, ECHR 2015, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Микаллеф против Мальты» (Micallef v. Malta), жалоба № 17056/06, § 74, ECHR 2009, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Булуа против Люксембурга» (Boulois v. Luxembourg), жалоба № 37575/04, § 90, ECHR 2012).

72. Европейский Суд отмечает, что право, на которое ссылаются заявители, является гражданским, так как в его основе лежит законодательство Румынии об истребовании имущества из чужого владения. Несомненно, имеет место спор, он является достаточно серьезным, а результат рассмотрения дела имеет непосредственное и решающее значение для права, о котором идет речь. С учетом формулировок статьи 480 Гражданского кодекса Румынии (см. §§ 44–45 настоящего Постановления) заявители могут не без оснований утверждать, что согласно законодательству Румынии они были вправе добиваться восстановления своих имущественных прав на здание, являющееся предметом спора.

73. Исходя из изложенного Европейский Суд полностью согласен с рассуждениями Палаты Европейского Суда по вопросу о применимости пункта 1 статьи 6 Конвенции и приходит к выводу, что поданный заявителями иск касается гражданского права и был направлен на установление в судебном порядке права собственности, пусть даже спор и возник по поводу храма.

74. Кроме того, данный подход соответствует существующей прецедентной практике Европейского Суда в этой области. Так, в делах «Греко-католический приход Сэмбата Бихор против Румынии» (Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Сэмбата Бихор против Румынии» (Sâmbata Bihor Greek Catholic Parish v. Romania) от 12 января 2010 г., жалоба № 48107/99, § 65), «Греко-католический приход Святого Василия Польского против Румынии» (Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Святого Василия Польского против Румынии» (Sfântul Vasile Polonă Greek Catholic Parish v. Romania) от 7 апреля 2009 г., жалоба № 65965/01, §§ 67 и 76), «Греко-католический приход Богдана Основателя против Румынии» (Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Богдана Основателя против Румынии» (Bogdan Vodă Greek Catholic Parish v. Romania) от 19 ноября 2013 г., жалоба № 26270/04, § 41) и «Греко-католический приход г. Шишешть против Румынии» (Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход г. Шишешть против Румынии» (Sisești Greek

Catholic Parish v. Romania) от 3 ноября 2015 г., жалоба № 32419/04, § 27) Европейский Суд рассматривал жалобы приходов-заявителей на рассмотрение исков об истребовании храмов из чужого владения и на исполнение вступивших в силу судебных решений о совместном использовании храма с точки зрения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

75. Кроме того, Европейский Суд уже приходил к выводу, что «одним из средств осуществления права исповедовать свою религию, особенно для религиозной общины как коллективного образования, является возможность обеспечения судебной защиты общины, ее членов и ее имущества, так что статью 9 Конвенции нужно рассматривать... сквозь призму статьи 6 Конвенции» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova), жалоба № 45701/99², § 118, ECHR 2001-XII).

76. Соответственно, пункт 1 статьи 6 Конвенции применим в настоящем деле. Обсуждая вопрос о соблюдении требований данного положения Конвенции, Европейский Суд рассмотрит дело с трех разных точек зрения: права на доступ к правосудию, соблюдения принципа правовой определенности и права на справедливое разбирательство дела в разумный срок.

В. СОБЛЮДЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

1. Право на доступ к правосудию

(а) Постановление Палаты Европейского Суда

77. В Постановлении по настоящему делу Палата Европейского Суда прежде всего напомнила принципы, сформулированные в прецедентной практике Европейского Суда по поводу пункта 1 статьи 6 Конвенции в том, что касается права на доступ к правосудию. Она отметила сложность и неоднозначность проблемы возврата храмов и сослалась на прецедентную практику Европейского Суда, согласно которой даже в таком контексте общий вывод споров о храмах из-под юрисдикции судов сам по себе нарушает право на доступ к правосудию (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Приход греко-католической церкви Сэмбата Бихор против Румынии», §§ 66–75). Палата Европейского Суда решила, что изменения, внесенные в статью 3 Декрета-закона № 126/1990 Законом № 182/2005, предоставили заявителям возможность обратиться в суд.

78. Далее Палата Европейского Суда пришла к выводу, что в ее задачи не входит как таковая

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 1 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2016. № 2 (примеч. редактора).

оценка с точки зрения пункта 1 статьи 6 Конвенции созданной румынским законодателем системы врата храмов, а также содержания материально-правовых норм, примененных в настоящем деле судами Румынии. Она отметила, что заявители были вправе обратиться в суд, что обе стороны спора пользовались одинаковыми процессуальными правами и что суды, которые рассматривали дело, были вправе применять и толковать положения внутригосударственного законодательства. При оценке обстоятельств дела суды не были ограничены отказом ответчика от предварительного мирного урегулирования спора. Палата Европейского Суда пришла к заключению, что в этом отношении властями государства-ответчика не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(b) Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(i) Заявители

79. Заявители отмечали, что право на доступ к правосудию является предпосылкой реального права добиваться вынесения решения по существу дела с тем, чтобы результат разбирательства не был заранее предопределен, а внутригосударственные суды не допускали произвола. Однако, разрешив дело на основании критерия желания верующих, который, по их мнению, надо понимать как «желание православного большинства», суды Румынии сделали их право на доступ к правосудию иллюзорным.

80. Согласно доводам заявителей для того, чтобы применить общие правовые нормы, как того требует пункт 2 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990, судам необходимо было изучить правоустанавливающие документы сторон по делу, а именно их документы и документы православной церкви (которых, как утверждали заявители, не существует). Вместо этого суды предпочли следовать строго формальному пониманию своей задачи, решив, что следует применить критерий желания большинства, а значит, вернуть храм невозможно. Ссылаясь на упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Приход греко-католической церкви Сэмбата Бихор против Румынии», заявители указывали, что формальный характер задачи судов в настоящем деле тем очевиднее, поскольку суды никоим образом не стали ставить под сомнение желание большинства, придя к выводу, что для отклонения поданного ими иска достаточно одного лишь численного перевеса православных по отношению к прихожанам греко-католической церкви.

81. Заявители считали, что суды Румынии не рассмотрели надлежащим образом дело по существу. В этой связи заявители поясняли, что один из факторов, которые принимаются во внимание при

вынесении решения по существу дела, заключается в том, какой вклад внесла каждая из двух конфессий в строительство храма. Однако заявители оспаривали вывод, к которому пришли суды Румынии по данному вопросу, утверждая, что этот вывод не соответствует представленным по делу доказательствам.

(ii) Власти Румынии

82. Прежде всего власти Румынии отмечали, что речь идет о совершенно особом деле, поскольку оно касается храма и спора между религиозными общинами, которые, по его мнению, характеризуются принципами терпимости и межконфессионального понимания и пользуются определенной автономией.

83. Далее власти Румынии подчеркивали, что заявители смогли обратиться в суды Румынии с иском об истребовании храма из чужого владения и что, рассмотрев дело по существу, эти суды объявили их исковые требования явно необоснованными, а не неприемлемыми. Прежде чем сделать данный вывод, суды рассмотрели и правоустанавливающие документы, и желание верующих. При определении желания верующих они учли исторические и социальные аспекты, а не просто статистические факторы. В связи с этим власти Румынии пояснили, что желание верующих должно устанавливаться на основании конкретных признаков и не может быть произвольным и необоснованным.

(c) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(i) Общие принципы

84. Право на доступ к правосудию, гарантированное статьей 6 Конвенции, было установлено в деле «Голдер против Соединенного Королевства» (Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (Golder v. United Kingdom) от 21 февраля 1975 г., §§ 28–36, Series A, № 18). В этом деле, сославшись на принципы верховенства права и недопущения произвола, на которых основаны многие положения Конвенции, Европейский Суд пришел к выводу, что право на доступ к правосудию является неотъемлемым элементом гарантий, закрепленных в статье 6 Конвенции. Таким образом, пункт 1 статьи 6 Конвенции гарантирует каждому право на обращение в суд с иском по поводу своих гражданских прав и обязанностей (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства» (Roche v. United Kingdom), жалоба № 32555/96, § 116, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства» (Z and Others v. United Kingdom),

жалоба № 29392/95, § 91, *ECHR* 2001-V, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чудак против Литвы» (*Cudak v. Lithuania*), жалоба № 15869/02, § 54, *ECHR* 2010).

85. Следовательно, на пункт 1 статьи 6 Конвенции может ссылаться каждый, кто считает вмешательство в осуществление одного из своих (гражданских) прав незаконным и жалуется на отсутствие возможности обратиться по этому поводу в суд, удовлетворяющий требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции. При наличии серьезного и подлинного спора о законности такого вмешательства, касающегося самого существования или содержания отстаиваемого гражданского права, пункт 1 статьи 6 Конвенции наделяет истца правом на то, чтобы «данный вопрос внутригосударственного законодательства был разрешен судом» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства», § 92, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маркович и другие против Италии» (*Markovic and Others v. Italy*), жалоба № 1398/03, § 98, *ECHR* 2006-XIV).

86. Необходимо, чтобы право на доступ к правосудию было «практически осуществимым и эффективным», а не теоретическим или иллюзорным (см. в этом отношении Постановление Европейского Суда по делу «Белле против Франции» (*Bellet v. France*) от 4 декабря 1995 г., § 36, Series A, № 333-B). Данное замечание особенно справедливо, когда речь идет о гарантиях, предусмотренных статьей 6 Конвенции, ввиду того, что право на справедливое разбирательство занимает выдающееся место в демократическом обществе (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Князь Лихтенштейна Ханс-Адам II против Германии» (*Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v. Germany*), жалоба № 42527/98, § 45, *ECHR* 2001-VIII). Для того, чтобы право на доступ к правосудию было эффективным, у человека должна быть ясная и практически осуществимая возможность обжаловать действия или бездействие, представляющие собой вмешательство в осуществление им своих прав (см. Решение Европейского Суда по делу «Нунес Диас против Португалии» (*Nunes Dias v. Portugal*), жалобы №№ 2672/03 и 69829/01, *ECHR* 2003-IV, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Белле против Франции», § 36). Аналогичным образом право на доступ к правосудию включает в себя не только право на обращение в суд, но и право на разрешение спора судом (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Фэлие против Румынии» (*Fălie v. Romania*) от 19 мая 2015 г., жалоба № 23257/04, §§ 22 и 24, и Постановление Европейского Суда по делу «Кутич против Хорватии» (*Kutić v. Croatia*), жалоба № 48778/99, § 25, *ECHR* 2002-II).

87. Вопрос о том, есть ли у человека жалобы, с которыми можно обратиться в суд страны, может зависеть не только от материально-правового содержания соответствующего гражданского права, как оно определяется во внутригосударственном законодательстве в собственном смысле этого слова, но и от наличия процессуальных препятствий, исключающих или ограничивающих возможности обратиться с потенциальными требованиями в суд (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макэлхинни против Ирландии» (*McElhinney v. Ireland*) от 21 ноября 2001 г., жалоба № 31253/96, § 24).

88. Тем не менее важно подчеркнуть, как Европейский Суд делал несколько раз, что пункт 1 статьи 6 Конвенции не гарантирует, что эти гражданские «права» будут наполнены каким-либо конкретным содержанием в материальном праве государств-участников: Европейский Суд не может толковать пункт 1 статьи 6 Конвенции таким образом, чтобы создать материальное право, не имеющее юридических оснований в соответствующем государстве (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», § 117, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства», §§ 87 и 98, а также Постановление Европейского Суда по делу «Файед против Соединенного Королевства» (*Fayed v. United Kingdom*) от 21 сентября 1994 г., § 65, Series A, № 294-B).

89. Право на доступ к правосудию не является абсолютным и может подлежать ограничениям, и косвенно они разрешены, поскольку право на доступ к правосудию по своей природе требует регулирования государством, причем его регулирование может меняться во времени и в пространстве в зависимости от потребностей и ресурсов сообщества и частных лиц (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (*Stanev v. Bulgaria*), жалоба № 36760/06, § 230, *ECHR* 2012). Осуществляя данное регулирование, государства-участники пользуются определенными пределами усмотрения. Несмотря на то, что окончательное решение по вопросу о соблюдении требований Конвенции остается за Европейским Судом, в его задачи не входит подменять оценку обстоятельств дела, произведенную внутригосударственными органами власти, какой-либо иной точкой зрения на то, какие меры могут быть оптимальными в этой области. Тем не менее применяемые ограничения не должны ограничивать доступ лица в правосудию таким образом или в такой степени, чтобы это затрагивало самую суть указанного права. Далее ограничение не соответствует требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции, если оно не преследует правомерной цели и отсутствует разумное соот-

ношение пропорциональности между задействованными средствами и преследуемой целью (см. там же, а также Постановление Европейского Суда по делу «Кордова против Италии (№ 1)» (Cordova v. Italy) (№ 1), жалоба № 40877/98, § 54, ECHR 2003-I, и изложение соответствующих принципов в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Файед против Соединенного Королевства», § 65).

90. Наконец, Европейский Суд отмечает также, что в его задачи не входит рассматривать ошибки в вопросах факта или права, предположительно допущенные внутригосударственными судами, если только они не нарушили прав и свобод, охраняемых Конвенцией, и лишь в той мере, в какой это могло произойти (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гарсия Руис против Испании» (García Ruiz v. Spain), жалоба № 30544/96, § 28, ECHR 1999-I, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перес против Франции» (Perez v. France), жалоба № 47287/99, § 82, ECHR 2004-I). Обычно такие вопросы, как значение, которое придают внутригосударственные суды каким-либо доказательствам, выводы или оценки, вынесенные на их рассмотрение, не подлежат контролю со стороны Европейского Суда. Он не должен выступать в качестве суда четвертой инстанции, а значит, не будет ставить под вопрос решение внутригосударственных судов со ссылкой на пункт 1 статьи 6 Конвенции, за исключением случаев, когда их выводы можно считать произвольными или явно необоснованными (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бочан против Украины (№ 2)», § 61).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

91. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что при установлении контекста дела необходимо принимать во внимание конкретный характер имущества, являющегося предметом спора, и стороны по делу, так как речь идет о храме, право собственности на который оспаривают православная и греко-католическая церкви. Однако при рассмотрении настоящей жалобы это не имеет решающего значения.

92. Как видно из § 79 настоящего Постановления, заявители утверждали, что факт применения критерия желания верующих, установленного Декретом-законом № 126/1990, в контексте рассмотрения их иска об истребовании имущества из чужого владения представляет собой ограничение, из-за которого их право на доступ к правосудию стало иллюзорным.

93. Европейский Суд подчеркивает, что заявителям ничто не препятствовало обратиться с иском об истребовании храма из чужого владения в суды

Румынии. Их дело рассматривалось судами трех различных инстанций, а после того, как в 2004 году их иск был объявлен приемлемым для рассмотрения по существу, к ним не применялись ни процессуальные запреты, ни сроки давности.

94. Аналогичным образом заявители могли представлять доказательства, судебное разбирательство было основано на принципе состязательности, а по окончании прений сторон суды Румынии рассмотрели представленные доказательства и вынесли мотивированные решения.

95. Таким образом, суды Румынии рассмотрели поданный заявителями иск, проведя анализ фактов и соответствующего законодательства. Они учли особенности предмета спора и применили общие правовые нормы в совокупности со специальными правовыми нормами, действующими в этой области. Кроме того, внутригосударственные суды убедительно объяснили, как они применяли материально-правовые нормы в рассматриваемом ими деле, вследствие чего избранный ими подход нельзя считать явным произволом (см. в качестве противоположных примеров, касающихся «явных ошибок, допущенных в судебном решении», Постановление Европейского Суда по делу «Дюлоран против Франции» (Dulaurans v. France) от 21 марта 2000 г., жалоба № 34553/97, §§ 33–34 и 38, Постановление Европейского Суда по делу «Хамидов против Российской Федерации» (Khamidov v. Russia) от 15 ноября 2007 г., жалоба № 72118/01, § 170, и Постановление Европейского Суда по делу «Анджелкович против Сербии» (Anđelković v. Serbia) от 9 апреля 2013 г., жалоба № 1401/08, § 24).

96. Далее Европейский Суд отмечает, что суды Румынии сами попытались на основании указанных выше доказательств выяснить факторы, вызвавшие отказ стороны, владеющей храмом, вернуть это имущество, и установили желание верующих. При этом апелляционный суд, выводы которого по вопросам факта были подтверждены Высоким судом Румынии, рассмотрел обстоятельства строительства храма, являющегося предметом спора, финансовый вклад, который внесли различные стороны, особенности использования этого храма и изменение состава верующих в г. Лупени (см. в качестве примера противоположной ситуации Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Тиннелли и сыновья Лтд” и другие и Макэлдафф и другие против Соединенного Королевства» (Tinnelly and Sons Ltd and Others and McElduff and Others v. United Kingdom) от 10 июля 1998 г., §§ 73 и 74, Reports 1998-IV). Таким образом, суды Румынии установили, что желание верующих действительно имело под собой фактические основания, приняли во внимание исторические и социальные аспекты, а не просто статистические факторы, и установили, что критерий желания верующих не был произвольно использован в настоящем деле в ущерб интересам заявителей.

97. Как ясно следует из § 54 настоящего Постановления, когда в другом деле суды Румынии пришли к выводу, что отказ православного прихода вернуть храм, который им не использовался, являлся произвольным, они удовлетворили иск греко-католического прихода об истребовании имущества из чужого владения, несмотря на оспариваемый критерий.

98. У судов Румынии, которые являлись независимыми и беспристрастными по смыслу прецедентной практики Европейского Суда, явно имелись дискреционные полномочия производить оценку обстоятельств дела, осуществляя свою юрисдикционную компетенцию, а их роль не ограничивалась достижением заранее определенного результата.

99. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что в настоящем деле идет речь не о процессуальном препятствии, не дававшем заявителям получить доступ к правосудию, а о материально-правовой норме, которая хотя и повлияла на результат рассмотрения дела, но не помешала судам рассмотреть спор по существу. В действительности заявители жаловались в Европейский Суд на сложности при выполнении предусмотренных материально-правовыми нормами условий возврата храма, являющегося предметом спора.

100. Однако, как видно из устоявшейся прецедентной практики Европейского Суда, не следует смешивать процессуальные и материально-правовые нормы: каким бы незначительным ни было различие между ними в законодательстве той или иной конкретной страны по какому-либо конкретному вопросу, оно по-прежнему имеет решающее значение при определении применимости и в соответствующих случаях содержания гарантий, вытекающих из статьи 6 Конвенции, которые в принципе не применимы к материально-правовым ограничениям права, предусмотренного внутригосударственным законодательством (см. в этом отношении упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Роч против Соединенного Королевства», § 119, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства», § 98, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маркович и другие против Италии», § 94).

101. Вопреки утверждениям заявителей, критерий желаний верующих, являющийся предметом спора в настоящем деле, нельзя считать каким-либо образом ограничивающим право судов выносить решения по искам об истребовании храмов из чужого владения, он лишь уточняет материальное право (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Файед против Соединенного Королевства», § 65, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Чудак против Литвы», § 58, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макэлхинни против Ирландии», § 25). В настоящем деле у судов Румынии были все возможности применять и толковать положения внутригосударственного законодательства, не будучи ограниченными отказом православного прихода урегулировать спор мирным путем в рамках разбирательства в совместной комиссии.

102. Аналогичным образом, рассматривая дело в соответствии со статьей 6 Конвенции, Европейский Суд не должен подменять своей точкой зрения мнение парламента страны относительно того, какое законодательство целесообразнее принимать и применять для разрешения споров, особенно в случаях, когда речь идет о спорах между различными религиозными общинами по поводу храмов. С одной стороны, из § 89 настоящего Постановления следует, что государства-участники пользуются определенной свободой усмотрения при разработке норм, касающихся права на доступ к правосудию. В то же время при осуществлении этой свободы усмотрения в настоящем деле критерий, являющийся предметом спора, вызвал ожесточенные споры, когда он был принят Парламентом Румынии (см. § 39 настоящего Постановления, *in fine*) и когда были приняты изменения в Декрет-закон № 126/1990, внесенные Законом № 182/2005. Аналогичным образом в ходе принятия спорного критерия консультации проводились с представителями обеих конфессий (см. § 39 настоящего Постановления). Практика Конституционного суда Румынии по вопросу о соответствии данного критерия Конституции страны является последовательной как относительно его применения совместными комиссиями, так и в контексте судебного разбирательства на основе общих правовых норм (см. §§ 55–57 настоящего Постановления).

103. Кроме того, когда от Европейского Суда потребовалось рассмотреть представленные сторонами примеры решений судов Румынии по аналогичным делам, он недавно пришел к выводу, что «независимо от того, какой критерий применяли суды Румынии, из этих решений следует, что дела действительно рассматривались по существу» и что «...подача иска об истребовании имущества из чужого владения на основании общих правовых норм, несомненно, привела к рассмотрению дела по существу, будь то в порядке применения норм, регулирующих рассмотрение традиционного иска об истребовании имущества из чужого владения, или в порядке применения критерия, установленного специальными правовыми нормами» (см. Решение Европейского Суда по делу «Греко-католический приход г. Прунь против Румынии» (Pruniș Greek Catholic Parish v. Romania) от 8 апреля 2014 г., жалоба № 38134/02, §§ 37 и 40).

104. Действительно, заявители ссылались на Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Сэмбата Бихор против Румынии», в котором, по их мнению, Европейский Суд постановил, что пересмотр судами решений совместных комиссий нарушает право на доступ к правосудию, поскольку суды ограничиваются проверкой соблюдения критерия желания верующих. Однако Европейский Суд отмечает, что в деле «Греко-католический приход Сэмбата Бихор против Румынии» он рассматривал правовую базу, существовавшую до внесения изменений в текст статьи 3 Декрета-закона № 126/1990 Указом № 64/2004 и Законом № 182/2005, а значит, до появления четко предусмотренной этими изменениями возможности обратиться в суд на основании общих правовых норм. В то время его рассуждения основывались главным образом на том, что до внесения указанных изменений некоторые суды Румынии считали себя не вправе рассматривать решения совместных комиссий по существу, а значит, не принимали во внимание надлежащим образом охраняемые законом интересы и права, о которых шла речь. В результате был сделан вывод, что судебный контроль, осуществляемый этими судами, являлся недостаточным для целей пункта 1 статьи 6 Конвенции. Тем не менее Европейский Суд отметил, что с внесением в декрет-закон изменений появилась возможность обращаться в суды Румынии, которые к тому моменту получили право рассматривать споры, касающиеся храмов, и приветствовал эти изменения, оговорившись, однако, что по большей части они были приняты значительно позже событий, о которых шла речь в рассматриваемой им жалобе (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Сэмбата Бихор против Румынии», §§ 72–75).

105. Заявители выражали удивление тем, как апелляционный и Высокий суды Румынии истолковали положения внутригосударственного законодательства, касающиеся значения термина «общие правовые нормы». Несмотря на то, что заявители подали иск на основании положений Гражданского кодекса Румынии, эти суды постановили, что его следует рассматривать с учетом критерия, предусмотренного статьей 3 Декрета-закона № 126/1990. Вместе с тем если это толкование внутригосударственного законодательства, меняющееся с течением времени и зависящее от суда, который рассматривал дело (см. §§ 48–54 настоящего Постановления), поднимает вопрос применения или толкования Конвенции, Европейский Суд считает, что данный вопрос необходимо рассматривать с учетом соблюдения принципа правовой определенности, а не доступа к правосудию.

106. Принимая во внимание вышеизложенные доводы, Европейский Суд полагает, что заявители не были лишены права на рассмотрение по суще-

ству их требований об установлении их имущественного права на храм. Сложности, с которыми они столкнулись, пытаясь добиться возврата храма, являющегося предметом спора, вызваны применимыми материально-правовыми нормами и не связаны с какими-либо ограничениями права на доступ к правосудию.

107. Исходя из этого Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле было соблюдено право на доступ к правосудию и что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

2. Соблюдение принципа правовой определенности

(а) Постановление Палаты Европейского Суда

108. В Постановлении по настоящему делу Палата Европейского Суда сослалась на принципы, следующие из прецедентной практики Европейского Суда по пункту 1 статьи 6 Конвенции в том, что касается соблюдения принципа правовой определенности. Она отметила, что от судов Румынии требуется разрешать споры, касающиеся возврата храмов, несмотря на отсутствие достаточно ясной и предсказуемой правовой базы относительно того, как следует толковать понятие «общие правовые нормы», которое используется в статье 3 Декрета-закона № 126/1990 с изменениями, внесенными Законом № 182/2005, и что в результате суды Румынии приходили к различным правовым выводам по одному и тому же поставленному перед ними юридическому вопросу. Так, рассматривая иск об истребовании имущества из чужого владения на основании статьи 480 Гражданского кодекса Румынии, внутригосударственные суды, в том числе и Высокий суд Румынии, толковали данный термин двояко: некоторые суды решили, что они должны рассмотреть иск об истребовании имущества из чужого владения традиционным способом, путем сравнения правоустанавливающих документов, другие, как в настоящем деле, постановили, что от них требуется вынести решение по иску об истребовании имущества из чужого владения, применив критерий, установленный Декретом-законом № 126/1990. Тем не менее Палата Европейского Суда заключила, что, хотя механизм обжалования в интересах права использован не был, высшие суды страны, Высокий и Конституционный суды, устранили это расхождение, согласовав свои позиции по поводу подлежащего применению законодательства.

109. Кроме того, Палата Европейского Суда пришла к выводу, что несогласованность судебной практики сохранялась на протяжении нескольких лет, хотя она и не располагала информацией о том, сколько конкретно времени продолжалась эта ситуация. Палата Европейского Суда приняла

во внимание сложность затронутого в деле юридического вопроса, его важность для общества и то, что он предполагал определение в прецедентном порядке порядка применения двух разных законов. Отметив, что решения судов Румынии были должным образом обоснованы с точки зрения фактов и права и что данное ими толкование с учетом представленных на их рассмотрение обстоятельств не было произвольным, необоснованным и не могло повлиять на справедливость разбирательства. Палата Европейского Суда решила, что в этом отношении властями государства-ответчика не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(b) Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(i) Заявители

110. Заявители утверждали, что критерий желания верующих рассчитан на применение только совместными комиссиями, а не судами. В связи с этим они указывали, что данный критерий упоминается только в пункте 1 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990, который регулирует порядок рассмотрения дела совместными комиссиями, а не в пункте 2 данной статьи, которая позволяет прихожанам греко-католической церкви обращаться в суд на основании общих правовых норм.

111. Они отмечали, что в практике судов Румынии и в теории права установлено, что «общими правовыми нормами» (*drept comun*) в области имущественного права являются положения Гражданского кодекса Румынии. По их мнению, общие правовые нормы в этой области нельзя считать относящимися к той же категории, что и специальные правовые нормы, например, Декрет-закон № 126/1990, если бы было иначе, пункт 2 упомянутой выше статьи 3 был бы сформулирован иначе и включал бы в себя отсылку к пункту 1 этой статьи. По мнению заявителей, суды Румынии, таким образом, трактуют термин «общие правовые нормы» широко, произвольно и незаконно, считая, что суды также должны разрешать споры на основании критерия желания верующих.

112. Как утверждали заявители, несмотря на то, что с момента принятия Декрета-закона № 126/1990 и внесения в него изменений в 2005 году прошло уже много времени, в законодательстве и судебной практике не было выработано четкого подхода, согласующего применение общих правовых норм и критерия желания верующих: нижестоящие суды считают необходимым игнорировать желание верующих, поскольку они лишены доступа к правосудию, а Высокий суд Румынии постановил, что следует отказаться от применения общих правовых норм, чтобы придать приоритетное значение желанию большинства. По

мнению заявителей, речь идет о двух диаметрально противоположных позициях, а это ясно указывает на то, что две правовые нормы, являющиеся предметом спора, несовместимы между собой.

(ii) Власти Румынии

113. Власти Румынии отмечали, что критерий, предусмотренный Декретом-законом № 126/1990, отражает подход, имеющий глубокие социальные и исторические корни: поскольку речь идет о верующих, которые внесли вклад в строительство храма и сделали возможным его использование в религиозных целях, вполне естественно, по мнению властей государства-ответчика, что принадлежность храма должна следовать за принадлежностью верующих в случае реорганизации религиозной общины. Конституционный суд Румынии подтвердил важность данного критерия, его соответствие Конституции страны и социальным реалиям.

114. Далее Власти Румынии пояснили, что изменения, внесенные в Декрет-закон № 126/1990 Законом № 182/2005, ограничивались исключительно обеспечением доступа к судебной системе путем определения вопросов подсудности и судебных издержек и никоим образом не затрагивали материально-правовых норм, применимых при разрешении подобных споров. В связи с этим власти Румынии отмечали, что по общему впечатлению от дискуссии, разгоревшейся в Сенате и Палате депутатов Румынии во время принятия Закона № 182/2005, эти изменения были направлены только на признание доступа к правосудию и не формировали новый взгляд на соотношение имущественных прав различных религиозных общин.

115. Развитие судебной практики в Румынии демонстрирует, что правовая система страны оказалась способна устранить изначальные расхождения в практике различных судов, несмотря на то, что на данном этапе не была подана жалоба в интересах права. Так, Конституционный суд Румынии с 1995 года и Высокий суд Румынии с 2009 года заняли четкую позицию по вопросу о применимости критерия желания верующих. С 2011 и 2012 годов Высокий суд в большинстве рассмотренных им дел применяет общие правовые нормы в совокупности с положениями Декрета-закона № 126/1990. По мнению властей государства-ответчика, пересмотр порядка применения этого критерия на данном этапе лишь дестабилизирует ситуацию при том, что практика судов Румынии уже достигла единообразия, а интересы религиозных общин уже были четко установлены. Аналогичным образом один лишь тот факт, что спорное решение в настоящем деле было вынесено до упорядочения судебной практики в этой области, не может сам по себе привести к нарушению принципов предсказуемости и правовой определенности, если учесть,

что судебная система Румынии успешно устранила имевшуюся неопределенность самостоятельно.

(с) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(i) Общие принципы

116. Прежде всего Европейский Суд ссылается на Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции» (Nejdet Şahin and Perihan Şahin v. Turkey) от 20 октября 2011 г., жалоба № 13279/05, §§ 49–58 и 61), в котором он установил принципы, подлежащие применению в делах о противоречиях в судебных решениях. Эти принципы, касающиеся пункта 1 статьи 6 Конвенции, можно обобщить следующим образом.

(а) В данной категории дел оценка Европейского Суда всегда опирается на принцип правовой определенности, внутренне присущий всем статьям Конвенции и являющийся одним из основополагающих аспектов верховенства права (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции», § 56). Этот принцип гарантирует известную стабильность в юридическом положении и способствует повышению доверия общества к судам. Устойчивое принятие противоречивых судебных решений может создать ситуацию правовой неопределенности, которая, вероятно, приведет к снижению доверия общества к судебной системе, тогда как такое доверие явно является одним из важнейших элементов государства, основанного на принципе верховенства права (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хайяти Челеби и другие против Турции» (Hayati Çelebi and Others v. Turkey) от 9 февраля 2016 г., жалоба № 582/05, § 52, а также Постановление Европейского Суда по делу «Феррейра Сантуш Пардал против Португалии» (Ferreira Santos Pardal v. Portugal) от 30 июля 2015 г., жалоба № 30123/10, § 42).

(б) Однако возможность вынесения противоречащих друг другу судебных решений присуща любой судебной системе, которая основана на совокупности судов первой инстанции и апелляционных судов, созданных по принципу территориальной подсудности. Подобные расхождения могут возникать и в рамках одного и того же суда. Само по себе это нельзя считать нарушением Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции», § 51, а также Постановление Европейского Суда по делу «Албу и другие против Румынии» (Albu and Others v. Romania) от 10 мая 2012 г., жалоба № 34796/09 и еще 63 жалобы, § 34).

(с) Требования правовой определенности и защиты правомерного доверия общества не

создают приобретенного права на непротиворечивость судебной практики. Совершенствование судебной практики само по себе не противоречит надлежащему отправлению правосудия, поскольку, если перестать применять динамический и эволютивный подход, это может затормозить реформы или процесс улучшения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции», § 58, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Албу и другие против Румынии», § 34).

(d) В принципе в задачу Европейского Суда не входит сопоставление различных решений внутригосударственных судов, даже если они вынесены казалось бы по похожим делам, он должен уважать независимость этих судов. Равным образом нельзя считать, что различие в подходах к разрешению двух дел приводит к появлению противоречивой судебной практики, если оно оправдано различиями в возникших в этих делах фактических ситуациях (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хайяти Челеби и другие против Турции», § 52, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Феррейра Сантуш Пардал против Португалии», § 42).

(е) Производя оценку обстоятельств дела в случаях, когда противоречивые решения различных внутригосударственных судов, рассматривавших дело в качестве суда первой инстанции, приводят к нарушению права на справедливое судебное разбирательство, закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции, Европейский Суд руководствуется критериями, которые заключаются, во-первых, в установлении того, существуют ли в практике внутригосударственных судов «глубокие и устойчивые расхождения», во-вторых, предусматривает ли внутригосударственное законодательство механизм устранения данных расхождений, и, в-третьих, был ли данный механизм использован, и если да, то к каким результатам это привело (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции», § 53, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хайяти Челеби и другие против Турции», § 52, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Феррейра Сантуш Пардал против Португалии», § 42).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

117. Европейский Суд отмечает, что настоящее дело отличается от упоминавшегося выше дела «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции» тем, что в нем речь идет не о предполагаемых расхождениях между решениями двух непод-

чиненных один другому, различных и независимых верховных судов, а о расхождениях, существующих главным образом в практике высшего суда страны. Европейский Суд не может не обратить внимание на то, что в настоящем деле источником противоречивой судебной практики являются главным образом решения Высокого суда Румынии (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)» (Beian v. Romania) (№ 1), жалоба № 30658/05, § 38, ECHR 2007-V (извлечения)), упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Феррейра Сантуш Пардал против Португалии», § 45, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хайяти Челеби и другие против Турции», § 54), даже если впоследствии она нашла отражение на уровне нижестоящих судов.

118. Тем не менее принципы, установленные в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Недждет Шахин и Перихан Шахин против Турции», применимы и в настоящем деле. В связи с этим Европейский Суд по очереди рассмотрит вопросы о том, существуют ли в практике судов Румынии «глубокие и устойчивые расхождения», предусматривает ли законодательство Румынии механизм устранения этих расхождений, а также был ли данный механизм использован, и если да, то к каким результатам это привело.

(а) Существование «глубоких и устойчивых расхождений»

119. Прежде всего Европейский Суд считает важным напомнить, что в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Сэмбата Бихор против Румынии» (§§ 43–49 и 81) он уже отмечал существование противоречивой практики в высшем суде Румынии, который тогда назывался Верховным судом (см. § 51 настоящего Постановления), и констатировал, что эти противоречия отражаются в практике нижестоящих судов. Как указывалось в § 104 настоящего Постановления, в то время расхождения возникали по вопросу о том, как следует толковать статью 3 Декрета-закона № 126/1990 в редакции, действовавшей до внесения в нее изменений в 2004 и 2005 годах, относительно самого права судов рассматривать иск, поданный греко-католическим приходом по поводу храма. Верховный суд, а впоследствии и апелляционные суды толковали эту статью непоследовательно: в одних случаях они отказывались, а в других – соглашались выносить решения по искам греко-католических приходов. Заявители по настоящему делу столкнулись с подобной противоречивой судебной практикой в своем деле: на первой стадии судебного разбирательства жалоба, поданная ими в 2001 году, была объявлена непри-

емлемой для рассмотрения по существу (см. § 19 настоящего Постановления).

120. Далее Европейский Суд отмечает, что, как указывается в §§ 41 и 42 настоящего Постановления, Парламент Румынии счел необходимым внести изменения в текст Декрета-закона № 126/1990 с тем, чтобы дать стороне, не удовлетворенной результатом рассмотрения дела в совместной комиссии, ясно выраженную возможность обратиться в суд. Так, согласно статье 3 Декрета-закона № 126/1990 с внесенными изменениями в случае, если представителям духовенства обеих конфессий не удастся прийти к соглашению в рамках совместной комиссии, заинтересованная сторона может обратиться в суд с иском на основании общих правовых норм.

121. Однако новая редакция, принятая с целью положить конец расхождениям в судебной практике, привела к появлению нового противоречия. В этот раз оно касается понятия «общие правовые нормы», которое по-разному трактуется судами: одни суды придают ему обычное значение в области защиты права собственности и рассматривают иски об истребовании имущества из чужого владения традиционным способом на основании положений Гражданского кодекса Румынии (см. §§ 44 и 45 настоящего Постановления), другие считают, что ее нужно трактовать с учетом текста пункта 1 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990 и что они должны принимать во внимание желание верующих. Таким образом, применимые к спору материально-правовые нормы могут различаться в зависимости от того, каким образом суды толкуют понятие «общие правовые нормы»: в первом варианте суды Румынии сравнивают правоустанавливающие документы, а во втором эти суды при рассмотрении вопроса о правовом статусе храма стремятся установить желание верующих в религиозной общине, которая им владеет.

122. Европейский Суд напоминает, что возможность вынесения противоречащих друг другу судебных решений присуща любой судебной системе, которая основана на совокупности судов первой инстанции и апелляционных судов, созданных по принципу территориальной подсудности. Однако он отмечает, что, как ясно следует из предоставленных по делу примеров судебных решений и из § 117 настоящего Постановления, противоречивое толкование понятия «общие правовые нормы» допускает сам Высокий суд Румынии, который призван урегулировать эти споры в последней инстанции. Так, в решении от 29 мая 2007 г. Высокий суд подтвердил необходимость применения критерия желания верующих, предусмотренного Декретом-законом № 126/1990 (см. § 52 настоящего Постановления, *in fine*), а в окончательном решении от 25 ноября 2008 г. он направил дело в нижестоящие суды для вынесения решения, указав, что критерий желания верующих применя-

ется только при рассмотрении дела в совместных комиссиях (см. § 51 настоящего Постановления). После этого решением от 24 марта 2009 г. он направил еще одно дело на новое рассмотрение на основании того, что не был применен критерий, предусмотренный специальными правовыми нормами (см. § 52 настоящего Постановления). В 2011 и 2012 годах Высокий суд снова вынес решения, содержащие противоречивое толкование норм права (см. §§ 52–53 настоящего Постановления).

123. Европейский Суд много раз подчеркивал, что роль верховных судов заключается как раз в том, чтобы разрешать подобные противоречия (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Зелинский и Прадал и Гонсалес и другие против Франции» (Zielinski and Pradal and Gonzalez and Others v. France), жалобы №№ 24846/94 и 34165/96–34173/96, § 59, ECHR 1999-VII, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Феррейра Сантуш Пардал против Португалии», § 47). Следовательно, если противоречивая практика развивается в одном из высших судов страны, этот суд сам становится источником правовой неопределенности, нарушая тем самым принцип правовой определенности и уменьшая доверие общества к судебной системе (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Беян против Румынии (№ 1)», § 39, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Феррейра Сантуш Пардал против Португалии», § 47).

124. В настоящем деле противоречия в судебной практике, существующие на уровне Высокого суда Румынии, отразились в работе нижестоящих судов, которые также выносили противоречивые решения. Таким образом, эти различия в подходе судов Румынии к толкованию подлежащего применению законодательства затронули множество греко-католических приходов и в результате повлекли за собой существенные последствия. Эта противоречивая судебная практика, вероятно, создала такую ситуацию правовой неопределенности, которая снизила доверие общества к судебной системе (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Албу и другие против Румынии», §§ 37–38). Кроме того, можно ожидать, что в суды Румынии будет подано большое количество исков, поскольку до внесения изменений Законом № 182/2005 вопрос о доступе к правосудию был неясен (см. § 119 настоящего Постановления).

125. Далее Европейский Суд отмечает: власти государства-ответчика не оспаривали, что противоречивая практика судов Румынии существовала на протяжении определенного времени. Вместе с тем они подчеркивали, что начиная с 2012 года Высокий суд Румынии и Конституционный суд Румынии согласовали свои соответствующие пози-

ции и подтвердили, что критерий, предусмотренный статьей 3 Декрета-закона № 126/1990, должен применяться к разбирательствам о возврате храмов. Европейский Суд отмечает, что на деле это привело к упорядочению практики нижестоящих судов, как демонстрируют примеры судебных решений, представленные в настоящем деле властями государства-ответчика (см. §§ 50 и 54 настоящего Постановления).

126. Однако факт остается фактом: с 2007 по 2012 год Высокий суд Румынии выносил диаметрально противоположные постановления. Европейский Суд полагает, что эти изменения в судебном толковании нельзя считать совершенствованием судебной практики, присущим любой судебной системе (см. § 116 настоящего Постановления), поскольку Высокий суд изменил свою позицию на противоположную, а в 2011 и 2012 годах он вынес несколько противоречивых решений.

127. Наконец, Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле он столкнулся с правовой неопределенностью, которая касалась сначала вопроса о доступе к правосудию, а затем подлежащих применению материально-правовых норм. В его задачи не входит строить предположения по поводу того, хотел ли Парламент Румынии принять правовые нормы, применяющиеся к правовому статусу таких храмов, как тот, о котором идет речь в настоящем деле. Напротив, его задача заключается в том, чтобы отметить, что одна и та же правовая норма, статья 3 Декрета-закона № 126/1990, трактовалась внутригосударственными судами по-разному на протяжении нескольких лет, в частности, до 2012 года.

128. Следовательно, в настоящем деле в судебной практике существовали «глубокие и устойчивые расхождения» по смыслу указанных выше постановлений Европейского Суда.

(β) Наличие предусмотренного внутригосударственным законодательством механизма преодоления расхождений в судебной практике и его использование

129. В обязанности государств-участников входит организовать свою правовую систему таким образом, чтобы избежать вынесения не соответствующих друг другу судебных решений (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Неждет Шахин и Перихан Шахин против Турции», § 55). Это требование становится еще более настоятельным, когда противоречивые судебные решения выносятся не в каком-либо отдельно взятом случае, а затрагивают большое количество лиц, обращающихся в суды.

130. Европейский Суд напоминает, что от него уже требовалось рассмотреть вопрос о том, име-

ется ли в судебной системе Румынии механизм устранения противоречий в судебной практике, подобный тому, о котором идет речь в настоящем деле. Так, в упоминавшемся выше Постановлении по делу «Албу и другие против Румынии» (§ 40) он отметил наличие института обжалования в интересах права, который в то время был предусмотрен статьей 329 Гражданского процессуального кодекса Румынии (см. § 46 настоящего Постановления). Согласно этому положению прокуратура и президиумы апелляционных судов могут обратиться в Высокий суд Румынии с просьбой разъяснить соответствующие положения внутригосударственного законодательства, а Высокий суд может упорядочить судебную практику и вынести обязательное решение по поводу того, как нужно толковать соответствующие правовые нормы (см. также Решение Европейского Суда по делу «Зелка и другие против Румынии» (*Zelca and Others v. Romania*) от 6 сентября 2011 г., жалоба № 65161/10, § 14, а также Постановление Европейского Суда по делу «Мария Атанасиу и другие против Румынии» (*Maria Atanasiu and Others v. Romania*) от 12 октября 2010 г., жалобы №№ 30767/05 и 33800/06, § 73). В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Албу и другие против Румынии» (§ 42) Европейский Суд пришел к выводу, что по делу властями государства-ответчика не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции, поскольку жалоба в интересах права была подана безотлагательно и привела к тому, что Высокий суд вынес решение, в котором содержались недвусмысленные разъяснения относительно правильного толкования соответствующей правовой нормы.

131. Вместе с тем в настоящем деле власти государства-ответчика подтвердили, что соответствующие органы власти не стали подавать жалобу в интересах права с целью быстро положить конец описанным выше расхождениям в судебной практике, хотя они и могли это сделать. Действительно, как утверждали власти государства-ответчика, в итоге судебная система Румынии доказала, что она способна прекратить расхождения в судебных решениях, выработав соответствующую судебную практику.

132. Однако, как ясно следует из §§ 124 и 128 настоящего Постановления, в рассматриваемом деле Европейский Суд столкнулся с ситуацией общей правовой неопределенности, источником которой стали решения Высокого суда Румынии, но которая была воспринята и нижестоящими судами. Она возникла сначала по вопросу о доступе к правосудию, а затем в отношении применимых материально-правовых нормах. Кроме того, противоречивая судебная практика затронула большое количество людей, обращающихся в суды, и можно было ожидать, что в суды Румынии поступит много исков. При таких обстоятельствах Европейский Суд не может прийти к выводу, что оптимальный

механизм упорядочения судебной практики был задействован безотлагательно с целью избежать наличия противоречий в судебных решениях, о которых идет речь в настоящем деле.

133. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что власти Румынии не приняли правовых норм для прояснения правового статуса имущества, являющегося предметом спора, как предусматривает чрезвычайный Указ № 94/2000 в редакции 2005 года после принятия Закона № 182/2005 (см. § 38 настоящего Постановления). Если, по мнению Парламента Румынии, в Декрете-законе № 126/1990 содержатся специальные правовые нормы, он мог бы указать на это во избежание разночтений при внесении изменений в Указ № 94/2000.

(γ) Вывод

134. Европейский Суд приходит к выводу, что контекст рассмотрения поданного заявителями иска, а именно неопределенность судебной практики, усугубившаяся тем, что в настоящем деле не был безотлагательно использован предусмотренный внутригосударственным законодательством механизм обеспечения непротиворечивой практики даже в высшем суде страны, привел к нарушению принципа правовой определенности и тем самым лишил заявителей права на справедливое судебное разбирательство.

135. Следовательно, по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением принципа правовой определенности.

3. Право на справедливое разбирательство дела в разумный срок

(а) Постановление Палаты Европейского Суда

136. В Постановлении по настоящему делу Палата Европейского Суда пришла к выводу, что период, который следует принимать во внимание в отношении заявительницы, начался 23 мая 2001 г. и закончился 15 июня 2001 г., то есть он продолжался десять лет и около трех недель, в течение которых дело рассматривалось судами трех различных инстанций. Относительно периода, который следует принимать во внимание в отношении остальных двух заявителей, Палата Европейского Суда отметила, что, хотя они и были упомянуты в первом варианте иска, стороны не указали, обладали ли эти два заявителя правосубъектностью в рамках первого разбирательства или нет. В связи с этим она решила считать датой начала судебного разбирательства в отношении них дату восстановления иска в списке дел, подлежащих рассмотрению окружным судом, в 2006 году (см. § 22 настоящего Постановления).

137. Затем Палата Европейского Суда установила, что заявителей нельзя обвинять в задержках при рассмотрении дела. Она отметила, что рассмотрение дела несколько раз приостанавливалось, чтобы стороны могли разрешить спор в предусмотренном законом неколлизионном порядке, что первоначально суды Румынии считали себя не вправе рассматривать дело по существу и что одно решение было отменено по процессуальным основаниям. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что задержка в рассмотрении дела произошла главным образом по вине властей Румынии.

138. Палата Европейского Суда приняла во внимание, что в первом варианте иска были упомянуты все заявители и что после того, как в производство по делу вступили первый и второй заявители, судам Румынии потребовались три года, чтобы вынести первое решение по существу, и еще около двух лет для вынесения окончательного решения. Исходя из этого Палата Европейского Суда пришла к выводу, что в связи с чрезмерной продолжительностью разбирательства дела в отношении всех заявителей было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции.

(b) Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(i) Заявители

139. Три заявителя утверждали, что производство по делу продолжалось около 10 лет и одного месяца. Они поясняли, что заявительница как распорядительница имуществом церкви и два остальных заявителя все вместе являлись сторонами по делу с 23 мая 2001 г. Они подчеркивали, что в различных решениях, которые выносили суды Румынии в то время, употреблялось то слово «истец», то слово «истцы». Заявители указывали, что после направления дела на повторное рассмотрение по существу они просили суд пояснить правовой статус каждого из них и что их всех в явной форме признали сторонами по делу.

140. Заявители считали, что производство по делу продолжалось чрезмерно длительно с учетом того, что дело не было особенно сложным, а их нельзя винить в излишней продолжительности его рассмотрения.

(ii) Власти Румынии

141. Власти Румынии отмечали, что согласно первому варианту иска стороной по делу являлась лишь заявительница, а остальные два заявителя вступили в производство по делу только в 2006 году. Они пояснили, что с 22 февраля 2002 г. по 23 марта 2003 г. производство по делу приостанавливалось по просьбе заявительницы. По мнению властей Румынии, дело являлось сложным,

судебные органы тщательно им занимались, а власти государства-ответчика не виноваты в задержках в его рассмотрении.

(c) Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(i) Общие принципы

142. В обязанности государств-участников входит организовать свою судебную систему таким образом, чтобы суды могли гарантировать каждому право на вынесение окончательного решения по спорам, касающимся гражданских прав и обязанностей, в разумный срок (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Комингерсолл С.А.” против Португалии» (Comingersoll S.A. v. Portugal), жалоба № 35382/97, § 24, ECHR 2000-IV, а также Постановление Европейского Суда по делу «Вассилиос Атанасиу и другие против Греции» (Vassilios Athanasiou and Others v. Greece) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 50973/08, § 26).

143. Обоснованность продолжительности производства по делу следует оценивать с точки зрения обстоятельств дела и с учетом критериев, установленных в прецедентной практике Европейского Суда, в частности, сложности дела, действий или бездействия заявителя и соответствующих органов власти и того, насколько важно для заявителя разрешение спора (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрмели против Германии» (Sürmeli v. Germany), жалоба № 75529/01, § 128, ECHR 2006-VII).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(a) Период времени, который следует принимать во внимание

144. Европейский Суд отмечает: в отношении заявительницы по делу не оспаривается, что период, который следует принимать во внимание, составляет около 10 лет и трех недель, в течение которых дело рассматривалось судами трех различных инстанций.

145. Что касается первого и второго заявителей, в первом варианте иска было указано, что они являются представителями заявительницы. Аналогичным образом, из материалов дела ясно следует, что первый заявитель очень активно участвовал в рассмотрении дела и вместе со вторым заявителем он предпринял ряд процессуальных действий (см. § 20 настоящего Постановления). Однако из материалов дела и решений судов Румынии не ясно, считался ли первый заявитель как таковой стороной спора до 2006 года, когда суды Румынии официально указали, что он наряду со вторым заявителем является стороной по делу. На основании

изложенного Европейский Суд считает, что период, который следует принимать во внимание в отношении этих двух заявителей, составляет около пяти лет, в течение которых дело рассматривалось судами трех различных инстанций.

(β) Обоснованность сроков рассмотрения дела

146. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле заявителей нельзя винить в задержках при рассмотрении дела, так как приостановление производства по делу, на которое ссылались власти государства-ответчика, было связано с попыткой урегулировать спор мирным путем (см. § 20 настоящего Постановления). Кроме того, заявители в полной мере пояснили, насколько важен для них результат рассмотрения дела.

147. В отношении того, что дело рассматривалось чуть более 10 лет, Европейский Суд отмечает, что производство по делу несколько раз приостанавливалось с целью предоставить сторонам возможность обратиться в совместную комиссию, хотя позиция ответчика (закрывающаяся в отказе возвращать храм) была известна с самого начала разбирательства и не было признаков того, что он изменит свою точку зрения. Кроме того, длительность производства по делу объясняется тем, что раз за разом выносились решения, отменяющие прежние выводы и возвращающие дело в нижестоящие суды (см. §§ 18–25 настоящего Постановления). В связи с этим Европейский Суд напоминает, что в его задачи не входит анализировать способ толкования и применения положений внутригосударственного законодательства судами страны, но, тем не менее, считает, что решения, отменяющие предыдущие выводы и возвращающие дело на новое рассмотрение, обычно выносятся из-за ошибок нижестоящих судов и что неоднократное вынесение подобных решений может указывать на недостатки в судебной системе (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Святого Василия Польского против Румынии», § 74).

148. Что касается первого и второго заявителей, их дело рассматривалось в течение пяти лет, Европейский Суд также отмечает, что, хотя по существу дело уже было передано на рассмотрение окружного суда, указанным заявителям предложили еще раз обратиться в совместную комиссию. Они последовали этой рекомендации, но безрезультатно (см. § 23 настоящего Постановления). Впоследствии решение суда первой инстанции было отменено по процессуальным основаниям (см. § 25 настоящего Постановления).

149. Действительно, в отношении первого и второго заявителей производство по делу продолжалось меньше, чем в отношении заявительницы, однако Европейский Суд не может не отметить, что, когда эти два заявителя были официально

признаны сторонами спора, дело уже рассматривалось судами Румынии в течение более пяти лет и первый заявитель активно участвовал в производстве по делу как минимум с 2002 года. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что рассмотрение дела было направлено на защиту общих интересов заявителей.

150. Несмотря на то, что само по себе дело не было особенно сложным, недостаточная ясность и предсказуемость внутригосударственного законодательства создали сложности при его рассмотрении (см. § 121 настоящего Постановления). Эти недостатки возникли исключительно по вине властей Румынии и, по мнению Европейского Суда, сыграли решающую роль в увеличении продолжительности производства по делу.

151. Принимая во внимание все представленные по делу материалы, Европейский Суд приходит к выводу, что дело заявителей не было рассмотрено в разумный срок.

152. Следовательно, по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с чрезмерной продолжительностью рассмотрения дела.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

153. Заявители утверждали, что они подверглись дискриминации при пользовании своим правом на доступ к правосудию, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 Конвенции, так как они относятся к религиозному объединению, составляющему меньшинство. При этом они ссылались на статью 14 Конвенции, которая гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в... Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

1. Постановление Палаты Европейского Суда

154. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что в тексте статьи 3 Декрета-закона № 126/1990 нельзя усмотреть различие в обращении по религиозному признаку. Обратившись к историческим и социальным факторам, она отметила, что в настоящее время в делах, в которых подлежит применению Декрет-закон № 126/1990, храмы, возврата которых добиваются истцы, обычно находятся во владении организаций Румынской православной церкви, а иски об истребовании их из чужого владения всегда подают прихожане греко-католической церкви. По мнению Палаты Европейского

Суда, в этом контексте статья 3 Декрета-закона № 126/1990 устанавливает, что при определении правового статуса имущества, являющегося предметом споров, должен применяться критерий «желания верующих в общинах, которые владеют имуществом», а значит, ее можно истолковать так, что она ставит в привилегированное положение ответчика в ущерб интересам истцов. Опираясь на данный вывод, Палата Европейского Суда установила, что существует различие в обращении с двумя группами, греко-католической и православной церквями, которые находятся в одинаковом положении с точки зрения их требований об установлении права собственности на храм, по поводу которого возник спор.

155. Затем Палата Европейского Суда рассмотрела вопрос о том, опиралось ли такое различие в обращении предположительно по религиозному признаку на объективные и разумные основания. В этом отношении Палата Европейского Суда прежде всего отметила, что критерий желания верующих был разработан для того, чтобы принять во внимание исторический контекст и религиозный характер соответствующего имущества и что оспариваемая норма была направлена на защиту свободы тех, кто при тоталитарном режиме был вынужден покинуть греко-католическую церковь, выражать свое желание относительно того, к какой конфессии они хотели бы принадлежать, с сохранением возможности использовать храм, который они построили.

156. Палата Европейского Суда также придавала значение тому факту, что, применяя критерий «желания верующих в общинах, которые владеют имуществом», суды Румынии не ограничились констатацией отказа ответчика вернуть храм, а сопоставили интересы, о которых идет речь в деле. Наконец, она отметила, что Конституционный суд Румынии, от которого требовалось рассмотреть возражение о неконституционности обжалуемого критерия, привел доводы, связанные с необходимостью защиты свободы вероисповедания и свободы других лиц, вписав их в рассматриваемый им исторический контекст дела.

157. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что, если учесть преследуемую цель и ее разумное обоснование, установление Парламентом Румынии спорного критерия не противоречило статье 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

2. Доводы сторон в Большой Палате Европейского Суда

(a) Заявители

158. Заявители считали, что они подверглись дискриминации по сравнению с другими греко-католическими приходами, оказавшимися в той же

ситуации, поскольку в аналогичных случаях некоторые суды Румынии, вынося решения по искам других греко-католических приходов об истребовании имущества из чужого владения, применяли общие правовые нормы и не принимали во внимание желание верующих.

159. Кроме того, заявители утверждали, что они подвергались дискриминации по сравнению с православным приходом. Эта дискриминация заложена в положения Декрета-закона № 126/1990: теоретически данный акт, казалось бы, применяется к обеим сторонам спора одинаково, однако на практике он ставит в привилегированное положение православную церковь. В связи с этим заявители указывали на то, что, когда они были реорганизованы, после 1989 года, у греко-католических приходов не было своих храмов, поскольку всем этим имуществом владела Румынская православная церковь.

(b) Власти Румынии

160. В отношении возможного различия в обращении по сравнению с другими греко-католическими приходами, чьи иски об истребовании имущества из чужого владения были разрешены путем применения общих правовых норм, власти Румынии утверждали, что соответствующие решения были вынесены в течение времени, необходимого правовой системе Румынии для прояснения содержания термина «общие правовые нормы», который используется в Законе № 182/2005.

161. Относительно утверждений о дискриминационном обращении по сравнению с участвующей в споре Румынской православной церковью власти государства-ответчика отмечали, что заявители по настоящему делу не оказались в неблагоприятном для себя положении из-за своей религии. Власти государства-ответчика подчеркивали, что критерий желания верующих, установленный Декретом-законом № 126/1990, принимался и применялся на практике не для того, чтобы предоставить преимуществва какой-либо конкретной религиозной общине, а для того, чтобы верующие получили возможность принимать решения о порядке использования построенного ими или предназначенного для них имущества путем создания атмосферы, в которой не будет более серьезных проявлений несправедливости, чем те, на устранение которых направлен этот закон.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(a) Общие принципы

162. Европейский Суд напоминает, что статья 14 Конвенции дополняет остальные материально-правовые положения Конвенции и Протоколов к ней.

Она не играет независимой роли, поскольку она действует исключительно по отношению к «пользованию правами и свободами», которые гарантируются этими положениями. Применению статьи 14 Конвенции необязательно предшествует нарушение одного из гарантированных Конвенцией материальных прав. Таким образом, запрет дискриминации, закрепленный в статье 14 Конвенции, выходит за рамки пользования правами и свободами, которые должно гарантировать каждое государство согласно Конвенции и Протоколам к ней. Он применяется и к тем дополнительным правам, попадающим в общую сферу действия любой статьи Конвенции, которые государство решило обеспечивать добровольно. Необходимо, но также и достаточно, чтобы на обстоятельства дела распространялось действие одной или нескольких статей Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Биао против Дании» (*Biao v. Denmark*) от 24 мая 2016 г., жалоба № 38590/10¹, § 88, см. также Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, §§ 39–40, *ECHR* 2005-X, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Е.В. против Франции» (*E.V. v. France*) от 22 января 2008 г., жалоба № 43546/02, §§ 47–48, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Валлианатос и другие против Греции» (*Vallianatos and Others v. Greece*), жалобы №№ 29381/09 и 32684/09, § 72, *ECHR* 2013).

163. Кроме того, Европейский Суд в своей прецедентной практике установил, что дискриминацией по смыслу положений статьи 14 Конвенции могут считаться лишь такие различия в обращении, которые основаны на поддающейся распознаванию особенности («признаке»). Далее, для того, чтобы можно было предполагать нарушение статьи 14 Конвенции, должно иметь место различие в обращении с лицами, находящимися в аналогичном или в относительно схожем положении. В статье 14 Конвенции указаны конкретные основания, которые являются «признаками», в том числе, *inter alia*, раса, национальное или социальное происхождение и рождение. Однако данный перечень имеет пояснительный характер и не является исчерпывающим, на что указывают слова «без какой бы то ни было (дискриминации)» (англ. *any ground such as*, франц. *notamment*) и добавление в этот перечень фразы «по любым иным признакам» (англ. *any other status*, франц. *toute autre situation*). Словам «по любым иным признакам» обычно придается широкое значение, а их толкование не ограничивается характеристиками, имеющими личный характер в том смысле, что они присущи человеку от рож-

дения или неразрывно с ним связаны (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Биао против Дании», § 89, и дела, на которые оно ссылается).

164. Различие в обращении является дискриминацией, если оно не оправдано какими-либо объективными и разумными соображениями, другими словами, если оно не преследует никакой правомерной цели или если отсутствует разумное соотношение соразмерности между задействованными средствами и поставленной целью. Кроме того, понятие дискриминации по смыслу положений статьи 14 Конвенции включает в себя случаи, когда с лицом или группой лиц без должных оснований обращаются менее благосклонно, чем с другими, даже если Конвенция не требует более благоприятного отношения (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Биао против Дании», § 90, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 51, *ECHR* 2006-VI).

(b) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(i) Применимость статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции

165. Как указано в § 76 настоящего Постановления, спор, в котором участвуют заявители, касается прав гражданского характера. Следовательно, обжалуемые заявителями факты относятся к сфере действия пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. в этом отношении Постановление Европейского Суда по делу «Расмуссен против Дании» (*Rasmussen v. Denmark*) от 28 ноября 1984 г., § 32, Series A, № 87). Этого достаточно, чтобы статья 14 Конвенции стала применимой к делу, и от Европейского Суда требуется рассмотреть вопрос о том, было ли по делу допущено нарушение этой статьи Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

166. Европейский Суд отдельно рассмотрит оба предполагаемых вида дискриминации: во-первых, дискриминацию по сравнению с другими греко-католическими приходами, а во-вторых, дискриминацию по сравнению с православным приходом.

(ii) Различие в обращении по сравнению с другими греко-католическими приходами

167. По мнению Европейского Суда, если способ разрешения судами Румынии исков об истребовании имущества из чужого владения, поданных различными греко-католическими приходами (на осно-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 7 (примеч. редактора).

вании общих правовых норм с учетом или без учета желания верующих), и представлял собой различие в обращении, то не по религиозному признаку.

168. Далее утверждается, что различие в обращении имело место по отношению к праву на доступ к правосудию и законодательству, применительно к иску об истребовании имущества из чужого владения. Европейский Суд полагает, что указанная жалоба по сути требует рассмотреть вопрос о соблюдении принципа правовой определенности, что уже было сделано (см. §§ 117 и 135 настоящего Постановления).

169. Соответственно, даже если допустить, что предполагаемое различие в обращении можно рассматривать в контексте статьи 14 Конвенции, Европейский Суд с учетом рассуждений, которые привели его к выводу о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением принципа правовой определенности, не усматривает причин, которые требовали бы отдельно рассмотреть эти же факты с точки зрения статьи 14 Конвенции.

(iii) Различие в обращении по сравнению с православным приходом

170. Европейский Суд отмечает, что согласно тексту статьи 3 Декрета-закона № 126/1990 правовой статус храмов определяется с учетом «желания верующих в общинах, которые владеют этим имуществом». Данный критерий необходимо понимать в контексте исторических и социальных особенностей Румынии, с учетом того, что в 1948 году после ликвидации Греко-католической церкви храмы, на которые претендуют греко-католические приходы, были переданы православным приходом. Кроме того, в 1990 году составители этой правовой нормы проводили консультации с заинтересованными сторонами и исходили из желания соблюсти нейтралитет в целях уважения свободы бывших прихожан греко-католической церкви, которые перешли в православие, принимать решения по вопросам своей веры и судьбы храмов.

171. От Европейского Суда требуется рассмотреть жалобу с точки зрения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи исключительно с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в том, что касается права на доступ к правосудию. Однако отмечая, что по сути заявители жалуются на нарушение своего права на доступ к правосудию в связи с содержанием материально-правовых норм и подчеркивая, что сам по себе пункт 1 статьи 6 Конвенции не обеспечивает какого-то конкретного содержания материально-правовых норм государств-участников, Европейский Суд приходит к выводу, что в настоящем деле отсутствовали ограничения права на доступ к правосудию, поскольку у обеих сторон было одинаковое право обращаться в суды и доби-

ваться вынесения решения по существу дела (см. §§ 91–107 настоящего Постановления).

172. В отсутствие такого рода ограничений, как полагает Европейский Суд, по делу не было доказано, что критерий желания верующих привел к различию в обращении между греко-католическими приходами и приходами Румынской православной церкви при осуществлении их права на доступ к правосудию. Действительно, требования, предусмотренные материально-правовыми нормами, явно повлияли на результат рассмотрения дела. Однако с учетом того, что у заявителей как и у православного прихода была возможность обратиться в суды Румынии, которые имели полное право применять и толковать положения внутригосударственного законодательства и осуществляли контроль, достаточно широкий для того, чтобы он удовлетворял требованиям пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. §§ 93–98 настоящего Постановления), этот фактор не привел к различию в обращении между двумя сторонами по делу с точки зрения их доступа к правосудию.

173. Таким образом, для целей статьи 14 Конвенции Европейский Суд не усматривает различия в обращении между заявителями и ответчиком с точки зрения возможности обратиться в суд и добиться вынесения судебного решения по иску об истребовании храма из чужого владения.

174. Этого достаточно для того, чтобы Европейский Суд пришел к выводу об отсутствии в настоящем деле нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

175. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

176. Как отмечает Европейский Суд, письмом от 10 ноября 2015 г. заявителям сообщили, что от них не требуется вносить изменения в требования, представленные в Палату Европейского Суда относительно статьи 41 Конвенции. Однако им было предложено представить дополнительные требования о возмещении судебных издержек и расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела Большой Палатой Европейского Суда.

A. УЩЕРБ

1. Доводы сторон

177. При рассмотрении дела Палатой Европейского Суда заявители просили в качестве ком-

пенсации материального ущерба вернуть им храм, прилегающий к нему земельный участок и дом священника. В случае, если получить возмещение в натуре не представится возможным, они со ссылкой на заключение эксперта просили выплатить им сумму в размере 282 343 евро, которая, по их утверждениям, соответствует рыночной стоимости зданий, являющихся предметом спора. Кроме того, они просили выплатить им 50 000 евро в качестве компенсации причиненного им морального вреда.

178. В ответ власти Румынии отметили, что суммы, включенные в отчет об оценке имущества, являются завышенными по сравнению с рыночными ценами на аналогичные земельные участки согласно данным Нотариальной палаты Румынии. По их мнению, если Европейский Суд придет к выводу, что заявителям был причинен моральный вред, вывод о нарушении их конвенционных прав будет являться достаточной компенсацией этого вреда. Кроме того, они считали, что сумма, требуемая в качестве компенсации морального вреда, в любом случае является чрезмерной.

2. Постановление Палаты Европейского Суда

179. Напомнив, что присуждение справедливой компенсации может опираться только на вывод о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с чрезмерной продолжительностью производства по делу, Палата Европейского Суда оставила без удовлетворения требования заявителей о компенсации материального ущерба ввиду отсутствия связи между выводом о нарушении Конвенции и предположительно причиненным им материальным ущербом. Принимая решение на основе принципа справедливости, Палата Европейского Суда присудила заявителям 2400 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые, возможно, заявители должны будут выплатить с этой суммы.

3. Мнение Европейского Суда

180. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле присуждение справедливой компенсации направлено на устранение последствий несоблюдения принципа правовой определенности и чрезмерной продолжительности производства по делу.

181. Что касается предположительно причиненного заявителям материального ущерба, Европейский Суд не может строить предположения по поводу того, каким был бы результат рассмотрения поданного заявителями иска об истребовании имущества из чужого владения, если бы по делу не было допущено нарушений Конвенции. Соответственно, отсутствуют основания для присуждения компенсации материального ущерба (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хайяти Челеби и другие против Турции»,

§ 71, и Постановление Европейского Суда по делу «Ивон против Франции» (*Yvon v. France*), жалоба № 44962/98, § 44, *ECHR* 2003-V).

182. В отношении компенсации морального вреда Европейский Суд уже приходил к выводу, что причиненный юридическому лицу нематериальный вред может включать в себя в большей или меньшей степени «объективные» и «субъективные» элементы. Эти элементы включают в себя репутацию юридического лица, а также неопределенность при планировании решений, проблемы в управлении самим юридическим лицом (последствия которых точно рассчитать невозможно) и, наконец, хотя и в меньшей степени, беспокойство и неудобства, причиненные членам органов управления этого юридического лица (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Компания “Комингерсолл С.А.” против Португалии», а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Святого Василия Польского против Румынии», § 117).

183. В настоящем деле, учитывая характер установленных нарушений Конвенции, Европейский Суд, принимая решение на основе принципа справедливости, считает целесообразным присудить всем заявителям в совокупности 4 700 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут подлежать выплате с этой суммы.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

1. Доводы сторон

184. Заявители требовали компенсировать им судебные расходы и издержки, понесенные в связи с рассмотрением дела Палатой и Большой Палатой Европейского Суда, в том числе, 8 566,92 евро в качестве возмещения расходов на оплату услуг Д.О. Хатнеану и 4 098,37 евро в качестве возмещения расходов на оплату услуг К.Т. Борсаньи с выплатой указанных сумм непосредственно этим адвокатам, а также 300 евро в качестве компенсации канцелярских и почтовых расходов с выплатой этой суммы Хельсинкскому комитету Ассоциации защиты прав человека в Румынии (*APADOR-CH*). Они также требовали выплаты 696,33 евро в качестве возмещения командировочных расходов, понесенных Д.О. Хатнеану в связи с участием в заседании Европейского Суда 2 марта 2016 г. Заявители предоставили почасовую смету на оплату услуг своих адвокатов и договоры об оказании юридических услуг, а также договор с Хельсинкским комитетом Ассоциации защиты прав человека в Румынии, в силу которого эта организация обязалась нести необходимые канцелярские расходы, связанные с подачей жалобы в Европейский Суд и ее рассмотрением. Кроме того, они предостави-

ли документы, подтверждающие транспортные расходы и расходы по оплате гостиницы, понесенные Д.О. Хатнеану в связи с участием в заседании Европейского Суда.

185. Власти Румынии считали, что расходы, которые, как утверждается, понесла Д.О. Хатнеану, являются чрезмерными и необязательными, поскольку она стала представлять интересы заявителей в настоящем деле только после того, как жалоба была коммуницирована властям государства-ответчика, и представляет в Европейском Суде интересы еще нескольких заявителей по аналогичным делам. Власти Румынии полагали, что в состав судебных издержек и расходов не следует включать оплату услуг этого адвоката по подготовке дополнительных замечаний по делу. Что касается требований о возмещении расходов на оплату услуг К.Т. Борсаньи, которая подавала жалобу в Европейский Суд, власти государства-ответчика предлагали Европейскому Суду на основе принципа справедливости присудить ей сумму, покрывающую фактически понесенные и необходимые расходы. Они не стали комментировать дополнительные требования о возмещении расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела Большой Палатой Европейского Суда.

2. Постановление Палаты Европейского Суда

186. Палата Европейского Суда присудила выплатить заявителям 4 658 евро в качестве компенсации расходов на оплату услуг обоих адвокатов, расходов на перевод документов и канцелярских расходов, а также сумму в размере 300 евро, требуемую в интересах Хельсинкского комитета Ассоциации защиты прав человека в Румынии, плюс любые налоги, которые, возможно, должны будут выплатить заявители с указанных сумм.

3. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

187. Согласно прецедентной практике Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек, только если доказано, что они были понесены в действительности, по необходимости и являлись разумными по количеству (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нильсен и Джонсен против Норвегии» (Nilsen and Johnsen v. Norway), жалоба № 23118/93, § 62, ECHR 1999-VIII). В настоящем деле Европейский Суд отмечает, что заявители изложили свои требования подробно и по пунктам. Принимая во внимание характер дела, имеющиеся в его распоряжении документы, указанные выше критерии, Европейский Суд считает целесообразным присудить заявителям 8 567 евро в качестве компенсации расходов на оплату услуг Д.О. Хатнеану

и 3 858 евро в качестве компенсации расходов на оплату услуг К.Т. Борсаньи плюс любые налоги, которые, возможно, должны будут уплатить заявители с указанных сумм, с выплатой этих средств непосредственно адвокатам.

188. Кроме того, Европейский Суд считает целесообразным присудить заявителям 696,33 евро в качестве компенсации расходов, понесенных Д.О. Хатнеану в связи с поездкой на заседание Европейского Суда 2 марта 2016 г.

189. Относительно суммы в размере 300 евро, которая соответствует канцелярским и почтовым расходам, понесенным Хельсинкским комитетом Ассоциации защиты прав человека в Румынии, Европейский Суд отмечает, что эта организация никогда не представляла интересы заявителей в Европейском Суде, несмотря на то, что она заключила с ними договор, обязавшись нести канцелярские расходы, связанные с подачей жалобы по настоящему делу и с ее рассмотрением. 18 июля 2013 г. заявители сообщили Европейскому Суду по факсу, что название этой организации было указано в доверенности, переданной в Европейский Суд по ошибке, и что эта организация никогда не давала согласия представлять их интересы в Европейском Суде (см. в этом отношении Постановление Европейского Суда по делу «Шербан Маринеску против Румынии» (Şerban Marinescu v. Romania) от 15 декабря 2015 г., жалоба № 68842/13, §§ 78–80, а также в качестве примера иной ситуации Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии» (Cobzaru v. Romania) от 26 июля 2007 г., жалоба № 48254/99, §§ 2 и 111). Следовательно, требование о выплате этой суммы отклоняется.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

190. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) постановил 12 голосами «за» при пяти – «против», что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении права на доступ к правосудию;

2) постановил единогласно, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением принципа правовой определенности;

3) постановил единогласно, что по делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с чрезмерной продолжительностью производства по делу;

4) постановил 16 голосами «за» при одном – «против», что с учетом выводов о нарушении пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с несоблюдением

принципа правовой определенности не требуется отдельно рассматривать жалобу заявителей на нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в части, касающейся предполагаемого различия в обращении по сравнению с другими греко-католическими приходами;

5) постановил 12 голосами «за» при пяти – «против», что по делу не было допущено нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции в отношении права на доступ к правосудию в контексте жалобы заявителей на различие в обращении по сравнению с православным приходом, который выступал по делу в качестве ответчика;

6) постановил 16 голосами «за» при одном – «против», что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителям следующие суммы, подлежащие переводу в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:

(i) 4 700 евро (четыре тысячи семьсот евро) всем заявителям в совокупности плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с указанной суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 8 567 евро (восемь тысяч пятьсот шестьдесят семь евро) плюс любые налоги, которые, возможно, должны будут уплатить заявители с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, с выплатой этой суммы непосредственно Д.О. Хатнеану;

(iii) 3 858 евро (три тысячи восемьсот пятьдесят восемь евро) плюс любые налоги, которые, возможно, должны будут уплатить заявители с этой суммы, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, с выплатой этой суммы непосредственно К.Т. Борсаньи;

(iv) 696,33 евро (шестьсот девяносто шесть евро и тридцать три цента) всем заявителям в совокупности плюс любые налоги, которые, возможно, они должны будут уплатить с этой суммы, в качестве компенсации судебных издержек и расходов;

(b) по истечении указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на указанную сумму должны начисляться простые проценты в размере предельной годовой кредитной ставки Европейского центрального банка, действующей в период невыплаты, плюс три процента;

7) отклонил 13 голосами «за» при четырех – «против» оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено во время публичных слушаний во Дворце прав человека в г. Страсбурге 29 ноября 2016 г.

Франсуаза ЭЛЕНС-ПАССОС	Гвидо РАЙМОНДИ
Заместитель	Председатель
Секретаря-канцлера	Большой
Суда	Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совместное частично особое мнение судей Андраша Шайо, Ишиль Каракаш, Паулу Пинту де Альбукерке и Мартиныша Митса;

(b) частично особое мнение судьи Ишиль Каракаш;

(c) частично особое мнение судьи Эгидиуса Куриса.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АНДРАША ШАЙО, ИШИЛЬ КАРАКАШ, ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ И МАРТИНЬША МИТСА

1. В настоящем деле затрагивается вопрос толкования и применения пункта 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), поскольку оно касается права на доступ к правосудию самого по себе и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции. Этот вопрос по существу заключается в том, может ли применение критерия, установленного материально-правовыми нормами, даже в условиях, когда у заинтересованных сторон формально есть возможность обратиться в суд, представлять собой ограничение их права на доступ к правосудию или, учитывая характер данного критерия, сделать это право иллюзорным. Другими словами, могли ли подлежащие применению материально-правовые нормы оказать решающее воздействие на результат рассмотрения дела в такой степени, чтобы они повлияли на круг вопросов, которые мог рассматривать суд, а следовательно, на самую суть права на доступ к правосудию по смыслу положений пункта 1 статьи 6 Конвенции? Аналогичным образом, привел ли примененный критерий к прямой или косвенной дискриминации в нарушение этого положения во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции?

2. Эти вопросы возникают в контексте ряда дел по жалобам против Румынии, касающихся возврата греко-католической церкви храмов, которые принадлежали ей и были насильственно переданы коммунистическим правительством в собственность Румынской православной церкви после ликвидации греко-католической церкви при тоталитарном режиме и насильственного перехода ее прихожан из одной конфессии в другую.

3. Признавая, что у заявителей имелась возможность обратиться со своим иском в суд, а значит, формально у них был доступ к правосудию в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, мы полагаем, что соответствующая правовая база (Декрет-закон № 126/1990 с изменениями, внесенными в него в 2004 и 2005 годах), а также толкование

и применение судами Румынии критерия «желания верующих» ограничило право заявителей на доступ к правосудию таким образом или в такой степени, что это затронуло самую суть права на доступ к правосудию. К тому же законодательство, которое ставит православную религиозную общину в привилегированное положение в ущерб интересам религиозного меньшинства, имеет явно дискриминационный характер, несоизмеримый преследуемой им цели. Следовательно, по делу властями государства-ответчика было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции самого по себе и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции.

От преследования к межконфессиональному диалогу

4. К 1940 году Румынская греко-католическая церковь являлась второй по величине конфессией в Румынии, имея в своем составе пять епархий, более 1500 священнослужителей и около 1,5 миллионов верующих. 21 октября 1948 г., в 250-ю годовщину объединения Румынской греко-католической церкви с Римской католической церковью, тоталитарный режим ликвидировал Румынскую греко-католическую церковь Декретом № 358/1948. За этим последовали репрессии государства по отношению к греко-католической церкви, в том числе насильственный переход ее прихожан и передача ее имущества в лоно православной церкви. Коммунистическое правительство обвинило епископов и священников греко-католической церкви в «антидемократической деятельности» и подвергло их тюремному заключению.

5. Когда в 1990 году деятельность Румынской греко-католической церкви была восстановлена после вступления в силу Нормативного акта № 9/31, принятого 31 декабря 1989 г., большинство ее последователей, которых более 40 лет назад вынудили перейти в православие, остались прихожанами Румынской православной церкви¹. По вопросу о возврате имущества Парламент Румынии принял метод межконфессионального диалога в рамках административных совместных комиссий. В статье 3 Декрета-закона № 126/1990 говорится о «желании верующих в общинах, которые владеют этим имуществом» как об основном правовом критерии, применяющемся в контексте административного разбирательства в совместных комиссиях.

6. На практике метод примирения часто оказывался безуспешным и приводил к преобладанию

желания большинства². Если не удавалось прийти к соглашению, сохранялось существующее положение вещей, а это фактически лишало греко-католическую церковь и ее прихожан возможности проводить службы в нормальных условиях и надлежащим образом заявить о существовании своей религиозной общины. Согласно практике рассмотрения споров в административном порядке в совместных комиссиях желание верующих трактуется как желание большинства, а это не обеспечивает справедливых возможностей всем верующим в том или ином территориальном образовании.

В случае, если совместным комиссиям не удавалось урегулировать спор мирным путем, представители греко-католической церкви обращались в суд на основании общих положений Гражданского кодекса Румынии, касающихся исков об истребовании имущества из чужого владения. Период, отмеченный правовой неопределенностью, наступил после принятия Декрета-закона № 126/1990. Вопрос о возврате имущества решался либо на основе сравнения правоустанавливающих документов, либо на основе сравнения правоустанавливающих документов в совокупности с применением критерия желания верующих. Имеющиеся в распоряжении Европейского Суда материалы показывают, что за весь период применения Декрета-закона № 126/1990, то есть более чем за 26 лет, суды Румынии один-единственный раз не пошли навстречу желанию большинства³.

7. Указ № 94/2000 с изменениями, внесенными Законом № 182/2005, предусматривает, что правовой статус храмов определяется специальными правовыми нормами. Однако специальный закон на этот счет до сих пор не принят. Соответственно, у заявителей не было альтернативного средства правовой защиты, с помощью которого можно было бы добиться юридического рассмотрения вопроса о правовом статусе имущества, являющегося предметом спора.

Декрет-закон № 126/1990 как *lex specialis*⁴

8. В настоящем деле рассуждения Высокого кассационного суда Румынии опирались на прин-

¹ По данным интернет-сайта Румынской греко-католической церкви, в настоящее время в Румынии насчитывается около 750 000 греческих католиков. В двух основных регионах их проживания (Банате и Трансильвании) они составляют около 15% населения, тогда как в 1948 году они представляли 50% населения этих регионов.

² По данным, предоставленным ЕКПН, с 2005 года специальной Комиссией по вопросам реституции было рассмотрено 1 110 из 6 723 требований о возврате имущества, реституция в натуре была произведена 139 раз, а предложения о выплате компенсации были сделаны в 52 делах (см. §§ 59–60 настоящего Постановления).

³ Власти государства-ответчика смогли привести только один пример, когда суды Румынии не пошли навстречу желанию большинства и действительно вынесли решение о возврате имущества греко-католической церкви вопреки желанию большинства (см. § 97 настоящего Постановления).

⁴ *Lex specialis* (лат.) – специальные правовые нормы (*примеч. редактора*).

цип *lex specialis derogat lex generalis*¹, подтверждая, что критерий желаяния верующих, установленный специальным правовым актом, должен иметь преимущественную силу по отношению к рассмотрению правоустанавливающих документов, которое предусмотрено правовым актом общего характера – Гражданским кодексом Румынии². В дополнение к этому юридическому доводу Высокий суд заявил, что возвращение имущества греко-католической общине нарушит стабильность и безопасность правоотношений, придя к выводу, что после насильственной передачи имущества Румынской греко-католической церкви Румынской православной церкви в 1948 году не следует впадать в другую крайность после падения коммунизма³.

9. Другими словами, был сделан вывод, что критерий «желаяния верующих в общинах, которые владеют этим имуществом» применяется и на этапе административного примирения, и на этапе судебного разбирательства: это значит, что у данного критерия есть и процессуальный аспект, связанный с приемлемостью иска об истребовании имущества из чужого владения для рассмотрения по существу, и материально-правовой аспект, определяющий результат рассмотрения спора. Фактически в настоящем деле, рассмотрев спор по существу, то есть установив желание большинства, суды объявили искивые требования заявителей, как утверждали власти государства-ответчика, «явно необоснованными, а не неприемлемыми»⁴. В целом Декрет-закон 1990 года с изменениями, внесенными в него в 2004 и 2005 годах, в том виде, как они толкуются и применяются Высоким судом

¹ *Lex specialis derogat lex generalis* (лат.) – специальный закон отменяет (вытесняет) общий закон. Принцип права, согласно которому в случае конкуренции правовых норм общего (*generalis*) и специального (*specialis*) характера предпочтение должно отдаваться специальным правовым нормам (*примеч. редактора*).

² В соответствующей части в решении Высокого суда Румынии сказано следующее: «Суд, который должен рассматривать данный иск, не может игнорировать действующие в этой области специальные правовые нормы, в соответствии с которыми при разрешении указанных требований необходимо принимать во внимание такой критерий, как желание верующих в общине, которая владеет имуществом... Преимущественная сила, которую следует придавать критерию желаяния верующих, отражает желание законодателя, который хотел подобным образом урегулировать вопрос, касающийся зданий определенного назначения [храмов], [а значит], суд не вправе критиковать нормы закона».

³ В соответствующей части в решении Высокого суда Румынии сказано следующее: «Возврат имущества, принадлежавшего греко-католической церкви, с нарушением критериев, установленных пунктом 1 статьи 3 Декрета-закона № 126/1990, лишил бы правоотношения стабильности и определенности. Право нельзя восстановить *in abstracto*, без учета социальных и исторических реалий, а устранение причиненного в прошлом ущерба не должно создавать новых несообразных проблем...».

⁴ См. § 83 настоящего Постановления.

Румынии и Конституционным судом Румынии, predetermined результат рассмотрения спора, исходя из желаяния одной из сторон этого спора. Согласно постановлению Высокого суда, недвижимое имущество, независимо от того, когда и как оно было приобретено, должно оставаться у тех, кто им владеет, если они составляют большинство.

10. Мы считаем, что решение Высокого суда Румынии не соответствует статье 6 Конвенции. Истец и ответчик не находились в равном положении с точки зрения закона в том, что касается материально-правового критерия, подлежащего применению в деле, поскольку в толковании, данном Высоким судом, закон при разрешении спора в судебном порядке придавал решающее значение желаянию ответчика. Материально-правовая норма привела к появлению процессуального препятствия, которое делает право на доступ к суду иллюзорным. Когда окончательный вердикт судов зависит не от рассмотрения справедливых критериев, а в решающей степени от желаяния ответчика, являющегося более сильной стороной, право на доступ к правосудию лишается самой своей сути. Судьбу имущественного спора решил *fait accompli*⁵ в пользу более сильной стороны.

11. Далее, поскольку элементы, на основе которых суды могут определять желание верующих, не поддаются четкому определению ни по букве, ни по духу закона, и у заявителей не было предсказуемого законодательства, которое позволило бы им эффективно обосновать свою позицию. Действительно, ни в одном законе не поясняется, каким образом нужно определять желание верующих и есть ли у судов право не следовать этому желаянию. Данный пробел в праве усугубляется тем, что суды Румынии не пошли навстречу этому желаянию в одном-единственном случае. Следовательно, подобная ситуация не обеспечивает правовой защищенности и доверия общества к отправлению правосудия⁶.

Дискриминационный характер этого *lex specialis*

12. Нарушение статьи 6 Конвенции усугубляется несоблюдением принципа равенства в совокупности с несоблюдением запрета дискриминации по религиозному признаку. Прежде всего

⁵ *Fait accompli* (франц. «свершившийся факт») – термин, используемый для обозначения ситуации, когда то либо иное событие воспринимается как свершившийся факт без возможности возврата произошедшего в первоначальное состояние (*примеч. редактора*).

⁶ См., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Компания «Тиннелли и сыновья Лтд» и другие и Макэлдафф и другие против Соединенного Королевства» (*Tinnelly and Sons Ltd and Others and McElduff and Others v. United Kingdom*) от 10 июля 1998 г., § 78, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-IV.

Европейский Суд не должен оставлять без внимания предмет спора, переданного на рассмотрение судов Румынии. Он касается храмов, духовное значение которых выходит за рамки просто вопроса о праве собственности. Кроме того, при рассмотрении дела важным фактором должно быть то, что спор возник между двумя религиозными объединениями, пользующимися автономией согласно внутригосударственному законодательству. Важно также, что в коммунистической Румынии гонениям подвергались обе конфессии, но от перераспределения имущества при коммунистическом режиме явно выиграла Румынская православная церковь.

Несмотря на то, что по общему правилу религиозные объединения пользуются согласно законодательству Румынии автономией в отношении своего религиозного имущества, в том числе храмов, следует отметить, что Парламент Румынии сам предусмотрел исключение из этого принципа автономии (пункт 3 статьи 27 Закона № 489/2006) в связи с возвратом (*redobândirea*) религиозного имущества, ошибочно конфискованного государством в 1940–1989 годах, и имущества, переход которого осуществлялся в условиях отсутствия имущественных прав. Соответственно, у заявителей были основания ожидать, что суды Румынии установят, осуществлялся такой переход при наличии или при отсутствии имущественных прав, применяя общие правовые нормы, то есть положения Гражданского кодекса Румынии, касающиеся иска об истребовании имущества из чужого владения.

13. Необходимо учитывать обязанность государства соблюдать нейтралитет и беспристрастность, установленную в прецедентной практике Европейского Суда, которая требует от государства обеспечивать, что спорящие группы проявляют терпимость по отношению друг к другу, даже если они имеют общие корни¹. В настоящем деле государство, допустив, чтобы желание религиозной общины, которая владеет имуществом, играло решающую роль при рассмотрении иска, поданного членами другой религиозной общины относительно храма, нарушило свою обязанность соблюдать нейтралитет и беспристрастность.

Декларируя уважение автономии религиозных общин, власти государства-ответчика приняли закон, который явно отдает предпочтение одной религии в ущерб другой. Принцип автономии религиозных объединений был искажен в угоду интересу религиозного большинства в сохранении имущества, перешедшего к нему при коммунистическом режиме, за счет интересов преследуемого религиозного меньшинства. Искажение

этого принципа одобрил Конституционный суд Румынии². Такое законодательство в государстве, основанном на принципе верховенства права и принципе равенства, представляет собой недопустимую форму прямой дискриминации.

14. В этом контексте, учитывая, что Парламент Румынии обязан соблюдать принцип нейтралитета, ему следовало урегулировать право на доступ к правосудию таким образом, чтобы гарантировать реальную возможность обратиться в суд обеим сторонам³, убедившись при этом, что стороны находятся в равном положении с точки зрения критерия, выбранного для разрешения спора. Следует также отметить, что принцип равенства религиозных общин перед законом установлен Конституцией Румынии. Аналогичным образом Парламент Румынии прямо предусмотрел исключение из принципа автономии религиозных общин при разрешении споров о возврате храмов, ошибочно конфискованных государством в 1940–1989 годах. Соответственно, властям государства-ответчика было известно о неоднозначном характере правовых вопросов, касающихся этих храмов, но они не выполнили своих законодательных функций в этой области в соответствии со своей обязанностью соблюдать нейтралитет и беспристрастность.

Соответственно, заявителей поставили в неблагоприятное положение по сравнению с Румынской православной церковью, которая выступала по делу в качестве ответчика. Применяв спорный критерий в контексте судебного разбирательства, Румыния свела роль судов к установлению желания стороны, выступавшей по делу в качестве ответчика. Следовательно, никакой судебный контроль не в состоянии был устранить различие в обращении, предусмотренное самим законом. У ответчика была возможность добиться того, чтобы суд установил желания его сторонников для целей определения правового статуса храма, в то

¹ См. Постановление Европейского Суда по Постановлению Европейского Суда по делу «Бессарабская митрополия Румынской православной церкви и другие против Республики Молдова» (Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova), жалоба № 45701/99, § 123, ECHR 2001-XII.

² В соответствующей части в Постановлении Конституционного суда Румынии сказано следующее: «В... Постановлении (от 27 апреля 1993 г. № 23) [Конституционный] суд пришел к выводу, что демократия предполагает уважение желания большинства... Если прихожанами одного и того же [прихода] являются и православные, и греческие католики, решение судьбы храмов и домов священников с использованием социального критерия, желания большинства прихожан, соответствует демократическому подходу к определению того, как будет использоваться это имущество в религиозных целях, исходя из желания большинства [заинтересованных верующих]. Иной вывод будет означать, что православным, которые составляют большинство, необоснованно воспрепятствуют, вопреки их желанию, исповедовать свою религию, если они не перейдут в греко-католическую церковь» (см. § 57 настоящего Постановления).

³ См., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Анакомба Юла против Белгии» (Anakomba Yula v. Belgium) от 10 марта 2009 г., жалоба № 45413/07, §§ 37–39.

время как у заявителей никогда не было подобной возможности¹.

Альтернативная применимость *lex generalis*²

15. Как и Высокий суд Румынии, власти государства-ответчика утверждали, что возврат имущества греко-католической церкви его первоначальным владельцам представлял бы собой несправедливость по отношению к религиозной общине, составляющей большинство, и что на место прежней несправедливости не должна приходиться новая несправедливость. На первый взгляд данный довод звучит разумно. Однако он предполагает то, что его еще надо доказать. Здесь в качестве аргумента приводится спорное положение, а именно вопрос о «несправедливости», и принимается за основу то, что по сути является умозаключением (несправедливость возврата имущества).

16. Если подобной аргументации вообще можно придавать юридическое значение, она исходит из предположения, согласно которому, если бы суды Румынии не применили критерий «желания верующих» к судебным искам греко-католических приходов об истребовании имущества из чужого владения, это привело бы к правовому хаосу. Такое предположение следует решительно отклонить. Угрозы стабильности правоотношений не возникло бы по той простой причине, что в данном случае применялись бы нормы общего гражданского права. Если бы суды Румынии решили не применять в судебном разбирательстве критерий 1990 года, то имущественные претензии, выдвинутые греко-католической общиной, регулировались бы нормами, касающимися исков об истребовании имущества из чужого владения, на основе сравнения правоустанавливающих документов. Если бы суды страны применили общие положения Гражданского кодекса Румынии, это не повлекло бы за собой пробела в праве, а значит, правовой незащищенности.

17. В заключение нет оснований утверждать, что вывод о нарушении статьи 6 Конвенции в том, что касается доступа к правосудию, может привести (i) к началу нового периода правовой неопределенности на внутригосударственном уровне и (ii) к тому, что на место исторической несправедливости придет новая несправедливость, когда нет ни малейшего представления о том, как Парламент Румынии мог бы устранить установленное нарушение. Еще меньше оснований считать, что, если суды Румынии просто перестанут применять спорный критерий желания большинства верующих и ограничатся сравнением правоустанавливающих документов в строгом смысле этого слова, то вместо

жалоб от заявителей из одного религиозного объединения в Европейский Суд могут начать поступать жалобы от заявителей из другого религиозного объединения. Количество жалоб, поступающих в Европейский Суд, не должно иметь значения при отправлении правосудия. Это эгоцентричное, утилитарное соображение, которое ошибочно исходит из того, что суды Румынии не в состоянии вынести справедливое решение, применяя положения законодательства своей собственной страны.

Отсутствие мер компенсационного характера в связи с конфискацией имущества

18. В дополнение к доводам, заявленным при рассмотрении дела в Высоком суде Румынии, власти государства-ответчика утверждали, что законодательство Румынии предусматривает меры компенсационного характера в отношении стороны, которой не выделили храма и что заявители не попытались воспользоваться возможностями, предоставленными им внутригосударственным законодательством. Будь это действительно так, можно было бы устранить если не нарушение Конвенции в связи с отсутствием доступа к правосудию, то лежащую в основе спора историческую несправедливость.

Как бы ни были похвальны эти законодательные и практические инициативы, нельзя отрицать их абсолютно произвольный и ограниченный характер. Даже если статья 4 Декрета-закона 1990 года и сформулирована в императивных выражениях («государство оказывает поддержку»), в ней отсутствуют критерии определения размера «государственной поддержки», которая по-прежнему целиком зависит от усмотрения государства. Ни в одном законе или административном акте не указано, будет ли оказываться государственная поддержка, и если да, то когда и как это будет происходить. Таким образом, статья 4 Декрета-закона 1990 года не обеспечит независимого судебного контроля, который позволил бы судам выносить продуманные «решения» по вынесенному на их рассмотрение юридическому вопросу. Соответственно, нельзя считать, что данный механизм компенсирует ограничение права заявителей на доступ к правосудию, вытекающее из критерия желания верующих³.

19. Кроме того, храмы и церковные кладбища – это не предмет купли-продажи, который имеет определенную цену. Для верующих это прежде всего места, имеющие существенную и уникальную ценность, которая не подлежит обсуждению. Этот духовный и исторический аспект места и хра-

¹ См. Постановление Европейского Суда по делу «Мицци против Мальты» (Mizzi v. Malta), жалоба № 26111/02, § 134, ECHR 2006-I (извлечения).

² *Lex generalis* (лат.) – общий закон, закон, содержащий общее регулирование каких-либо отношений (примеч. редактора).

³ См., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Тиннелли и сыновья Лтд” и другие и Макэлдафф и другие против Соединенного Королевства», § 77.

ма имеет ценность, которую нельзя измерять по правилам рынка. С такой точки зрения очень сложно выработать подходящие юридические критерии для определения размера государственной поддержки, которая потребовалась бы для «компенсации» существенной и уникальной ценности храмов, являющихся предметом спора.

К тому же (и это никем не оспаривается) в рассматриваемом деле греко-католической общине г. Лупени не было предложено другого храма. До сих пор она не получила ни одного из двух храмов, которыми она владела в 1948 году.

Вывод

20. С учетом сказанного выше мы приходим к выводу, что правовая норма, по поводу которой возник спор (статья 3 Декрета-закона № 126/1990), затронула самую суть права заявителей на доступ к правосудию, предусмотренного статьей 6 Конвенции самой по себе и во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции. Защита меньшинств популярна практически всегда, тем более защита религиозных меньшинств. В Европе религиозное большинство нередко пренебрегало правами религиозных меньшинств. Современные демократические стандарты в этой области обязывают большинство проявлять сдержанность во имя уважения меньшинств. К сожалению, настоящее дело показывает, что государства часто с неохотой устраняют несправедливость, допущенную по отношению к религиозным меньшинствам, когда речь идет об интересах религиозного большинства.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ИШИЛЬ КАРАКАШ

(Перевод)

Я не согласна с большинством судей по поводу суммы, присужденной в качестве компенсации морального вреда (4 700 евро), и решения не присуждать компенсацию материального ущерба по статье 41 Конвенции.

Европейский Суд присудил указанную сумму ввиду беспокойства и неудобств, причиненных заявителям установленными нарушениями Конвенции, иными словами, для устранения последствий несоблюдения принципа правовой определенности и чрезмерной продолжительности производства по делу.

На мой взгляд, по делу властями государства ответчика было допущено нарушение пункта 1

статьи 6 Конвенции в отношении права на доступ к правосудию, а также, в том же аспекте, статьи 14 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. совместное мнение судей Андраша Шайо, Ишиль Каракаш, Паулу Пинту де Альбукерке и Мартиньша Митса). Именно поэтому я считаю сумму, присужденную в качестве компенсации морального вреда, недостаточной.

Что касается материального ущерба, ясно, что заявители вправе рассчитывать на компенсацию материального ущерба. Возмещение этих затрат можно было бы произвести либо в форме возврата храма, земельного участка и дома священника, либо в форме выплаты суммы, соответствующей рыночной стоимости данного имущества.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЭГИДИУСА КУРИСА

1. Я голосовал против пунктов 1, 5 и 7 резолютивной части настоящего Постановления. Причины моего несогласия с мнением большинства судей довольно близки к соображениям, изложенным в совместном частично особом мнении судей Андраша Шайо, Ишиль Каракаш, Паулу Пинту де Альбукерке и Мартиньша Митса.

2. К сожалению, Палата Европейского Суда объявила неприемлемой для рассмотрения по существу жалобу заявителей на нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции самой по себе и во взаимосвязи со статьями 13 и 14 Конвенции. Мне сложно согласиться с таким выводом. Фактически из-за этого Большая Палата Европейского Суда не смогла рассмотреть жалобу заявителей на нарушение указанных статей Конвенции, поскольку согласно прецедентной практике Европейского Суда «делом», переданным в Большую Палату Европейского Суда, является жалоба в том виде, в каком ее объявила приемлемой для рассмотрения по существу Палата Европейского Суда (см. §§ 61–63 настоящего Постановления). В деле речь идет об имущественных вопросах, то есть о вопросах, которые непосредственно затрагиваются статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Однако именно данный аспект дела и не был рассмотрен Большой Палатой Европейского Суда. Это вызывает сомнения в том, уместно ли безоговорочное применение указанной «прецедентной практики» Европейского Суда; в конце концов, постановление Палаты Европейского Суда, которым жалоба в этой части была объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу, так и не вступило в силу.